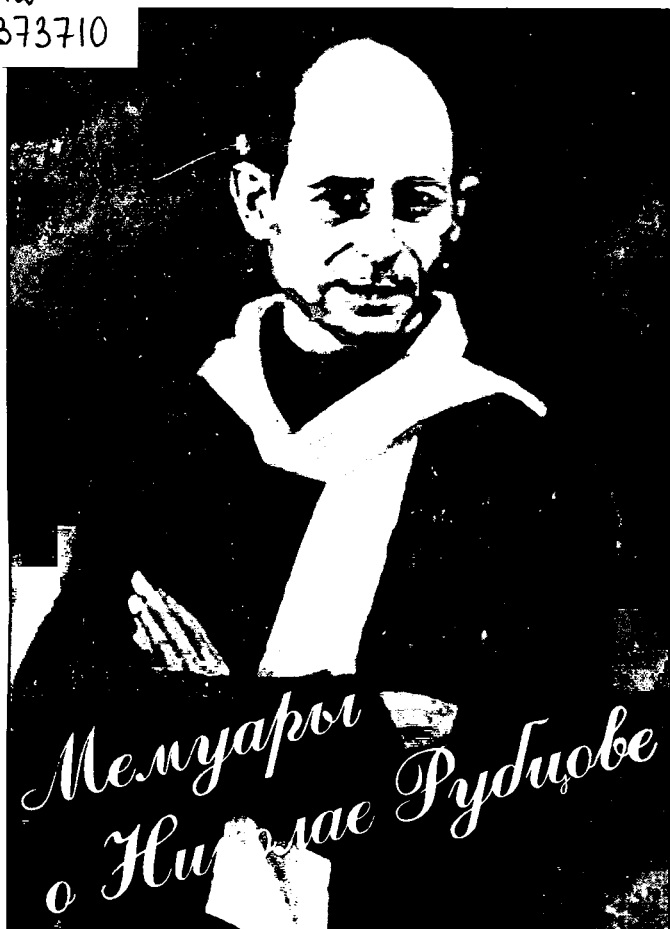

Лада Одинцова

83.3(2-РҮс)6-8

0-42

КР 1373710

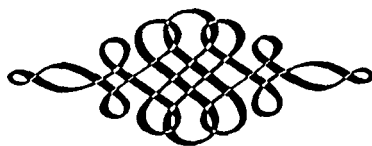

ИЗБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ ПРАЖСКОГО ДНЕВНИКА

В отделе
Краеведения
Вологодской
областной библиотеки.
Выпущено
к 70-летию
Рубцова.
Лада ОДИНЦОВА
издание
Челябинске
поэты Николай
Передая
О. А. Кузнецов
мен СХ СССР,
искусствовед
26.09.2006

ИЗБРАНИЕ МЕСТА ИЗ ПРАЖСКОГО ДНЕВНИКА

Мемуары о Николае Рубцове

Кр 1373710

Челябинск
2006

Публицистическое издание

ЛАДА ОДИНЦОВА
ИЗБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ ПРАЖСКОГО ДНЕВНИКА
Мемуары о Николае Рубцове
Челябинск - 74 стр.

Эта книга воспоминаний, раздумий известного московского автора Лады Васильевны Одинцовой. Она была знакома и дружила с замечательным русским поэтом – Николаем Рубцовым.

Память автора бережно хранит каждый штрих, эпизод, разговор, интонацию, мысли поэта, и она щедро делится своими воспоминаниями и раздумьями с читателями.

7 СЕНТЯБРЯ 1995 года, ПРАГА

После таких лекций, как сегодняшняя, мне начинает казаться, что я лишена педагогических способностей: не могу воспрепятствовать хаосу, шуму в аудитории. Так, сегодня я провозгласила на занятии то, что обязан был провозгласить добросовестный русский профессор: при отсутствии смысла жизни у человека понижаются шансы выжить в экстремальных ситуациях до минимума, а часто – до нуля. Например, при онкодиагнозе, когда призрак неминуемой гибели парализует волю человека. Я говорила о том, что смысл человеческого существования бывает двух разновидностей: истинный смысл и смысл ложный, иллюзорный. Под ложным (иллюзорным) смыслом жизни следует понимать такие высшие ценности нашего бытия, как секс, семья, карьера, хобби, работа, увлечение, дети, деньги, творчество и тому подобное. Я толковала, что заурядный бытовой случай может выбить такую ложную или иллюзорную опору из-под ног, и человек теряет смысл жизни. Таким заурядным бытовым случаем может явиться разочарование во всех перечисленных и неперечисленных ценностях. Что делает человек в ситуации моральной травмы – шокового разочарования? Увы, психиатры отвечают на вопрос о разочаровании статистическими данными: 80% разочарований в иллюзорных ценностях кончаются самоубийством... Практическая Гармония предпочитает ориентировать своих последователей на выживание за счет обретения истинной опоры под ногами, которую никак нельзя выбить из-под ног человека никаким разочарованием в наших бытовых ценностях. И этой высшей истиной является Создатель окружающего пространства и нас с вами – Бог. Если последователь Практической Гармонии посвящает свою жизнь богоискательству и богослужению, он непотопляем! Что и требовалось доказать, как учил меня когда-то выражаться преподаватель тригонометрии... Начался шум,

спор слушателей между собой, а меня никто не поддержал. Чеченка Шэма и туркменка Огульнабад в один голос заявили мне, что телевизионный диктор называл служение Отечеству целью и смыслом жизни еще несколько лет назад до крушения СССР, а сами они – Шэма и Огульнабад – считают смыслом жизни любовь, секс и семью. Еврейские слушатели однозначно возразили мне заявлением о том, что смыслом человеческого существования являются деньги. Украинцы называли смыслом жизни свободу. Я велела всем разойтись и оставаться при своем мнении.

Разошлись все, кроме Шэмы и Равиля. Эта мусульманская парочка осталась для того, чтобы обвинить меня... в развязывании войны русского народа против чеченского. Я слегка оторопела, поскольку и впрямь я ведь не болтун из команды телевизионных дикторов, взгромоздилась на край стола, отхлебнула воды. Чеченка Шэма воспользовалась моим молчанием и сообщила мне про то, что смыслом жизни русской нации является покорение и угнетение других народов, завоевание народов и захват чужих территорий. Равиль ослабил и досказал тираду: дескать, вся Восточная Европа только и судачит про ИСТОРИЧЕСКУЮ ВИНУ РУССКИХ ПРОТИВ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ НАРОДОВ В НАВЯЗЫВАНИИ СМЕРТОУБИЙСТВЕННОГО, ГИБЕЛЬНОГО КОММУНИЗМА. Мне оставалось вздохнуть и ответить, что мой народ еще увидит в историческом зеркале свое чумазое лицо, умоется и очистится с Божьей помощью, преобразится, и оно засияет. И тогда все соседи наши заметят, что лицо русского народа есть лицо человеческое. А каким окажется в зеркале истории лицо какого-нибудь другого народа – только ли человеческим или каким-то иным, может – звериным или дьявольским?

После занятия с эмигрантами – выходцами из всех бывших союзных республик и называвшими себя русскими по причине бывшей подчиненности Москве – я

зашла на Смиховскэ Надражи в уютное кафе-цукраню, что буквально переводится как «сахарница, где торгуют сладостями». За чашкой кофе припомнился конец шестидесятых годов – политическая оттепель, – когда я поступила учиться в московский идеологический вуз, единственный в СССР. Моя мать – известная украинская писательница – режиссировала мое поступление в Литературный институт, но строго-настрого запретила называть ее имя и пользоваться им. Так что мое происхождение от матери-классика ничуть не помогло мне в одолении труднейшего творческого конкурса: до двух тысяч соискателей на одно место. На курс набирали со всего СССР мало: только сорок молодых литераторов всех жанров, и никто не поступал без протекции либо почти никто. Однако в ту советскую эру протекционизм без оснований был опасен, и никто им без доказательных причин не рисковал заниматься. В Советском Союзе существовали суровая мораль и законность. Теперь после крушения СССР в России начался хаос, в бывших союзных республиках тоже.

Я переживала революционный хаос за рубежом, профессорствовала и заодно работала главным редактором научно-популярного издательства. Каждый россиянин спасался в лихолетье как мог. Но отнюдь не каждый россиянин был бы способен выдержать эмигрантские трудности со всеобщим моральным террором, когда каждый считает своим долгом обвинить великоросса в исторической русской вине перед соседними нациями: в геноциде и деспотизме. Из-за таких обвинений пришлось объяснять, что великоросс и советский россиянин есть отнюдь не одно и то же. Например, великоросс Николай Рубцов, поэт, является классическим образцом этнического русича. Я знала его три года и могу свидетельствовать, что этот лучший представитель коренного населения России питал жертвенную любовь к людям (был сердоболен, как выражались мы в 60-е годы), восторженно и самоотверженно любил Родину, отличал-

ся добротой, поражавшей до слез при его бессребренничестве и аскетичной нестяжательности. Николай Рубцов был предельно честен, что подразумевается само собой. Я никогда за три года знакомства не слышала от него ни лжи, ни фальшивого слова, ни ругательств. Может, мне повезло, ведь я была самой младшей в Литературном институте в 1967-м году, но я знала его до момента гибели еще несколько лет, хотя интерес Николая Рубцова ко мне всегда удивлял меня: такие были мы разные. Абсолютно разные. Сейчас, в чешской цуккарне, мне казалось, что, по-видимому, моя непохожесть ни на одну девушку общежития привлекала его ко мне, привлекала моя странная отличительность от всех. Однажды утром меня разбудил дверной стук и требовательный мужской голос: «Одинцова, хватит дрыхнуть, просыпайся!»

Как раз подрыхнуть бы, ведь соседка дома не ночует, а тут несет кого-то!.. Открываю: на пороге Рубцов, топчется, ждет приглашения войти. Ну, куда ж деваться? Проходи, так и быть. И чего вечно Рубцову надо от меня: навещал бы свою вологодскую Сталину, комсомольскую поэтессу в такую рань?!. Коля, в пальто и в берете, пахнувший улицей, вынул из коробочки нечто желтое, завел ключиком и опустил на пол. Тут по паркету запрыгал и задолбал клювиком механический желтый цыпленок. Я ахнула, шмякнулась на пол и завизжала от восторга. Когда завод в игрушке кончился и я встала с полу, Николай хлопнул меня по плечу: «Тому, кто рано встает, Бог радости подает! Я дочке подарить хотел цыпленка, но до нее никак не доберешься... Ну, тогда я решил тебе подарить, раз никак дочке не удастся».

Я повесилась на шею своему старшему приятелю, чмокнула в небритую щеку и пробормотала: «Только мой двоюродный старший брат-моряк, лучший корабельный механик Мурманска, умеет так меня развеселить, как ты, Коля!»

В ту пору мне шел восемнадцатый год.

8 СЕНТЯБРЯ 1995 года, ПРАГА

Иногда во время преподавания Практической Гармонии я упускаю сообщить ученикам что-то важное, затем по дороге домой сожалею об упущенном. Но понять меня можно: эмигрантский состав чересчур пестрый. Все студенты со своими национальными характерами, ко всем следует подлаживаться, а это часто вызывает раздражение в аудитории со стороны враждующей группировки. Но в основном слушают с интересом комментарии относительно советской русской поэзии последнего периода. Я сама к нему принадлежала, многих знала – ныне классиков. Впрочем, меня саму чехи считают русским классиком – только не в России! Нет пророка в Отечестве своем. Спрашивали о том, почему в СССР так мало было издано моих книг и в таком ужасном полиграфическом виде; пришлось вздыхать о всеисилии советской цензуры, которую хотелось бы мне когда-нибудь забыть как страшный сон.

Русская семья из Брянска, работающая на стройке, возразила мне насчет узурпации книгопечатания в СССР: ведь книги Рубцова издавались беспрепятственно!.. Я кивнула: «Верно, даже более того: благонадежных поэтов поддерживала в прессе благонадежная литературная критика. Ради благонадежности Рубцов, игнорировавший советскую власть вместе с ленинизмом, не лез на рожон против них, а потому устраивал обе тайные группировки: и просоветских стукачей, и антисоветчиков... Любил Коля на самом деле не столь уж многое: педагогическую публицистику Макаренко «Флаги на башнях», а также беседы о победоносных баталиях адмирала Нахимова. Почесав затылок, я припомнил, что любил он и беллетристику Гиляровского-воложанина, а также саму личность Гиляровского. Помнится, весной 1968 года, когда состоялось мое знакомство по инициативе Рубцова в общежитии Литературного института на лестничной площадке, Николай счел необхо-

димым сперва накормить меня, голодавшую накануне стипендии, а затем провести просветительскую работу со мной, никогда не слышавшей о Гиляровском. Оно и не удивительно, поскольку я приехала учиться из другого государства – с Украины, да к тому же мне было еще только семнадцать с половиной лет. Николай Рубцов чаевничал в моей комнате и повествовал о личности Гиляровского – великого оригинала, который начал свою судьбу батраком на Волге, а кончил писателем в Москве. Русское хлебосольное гостеприимство как образ жизни особенно привлекало Николая Рубцова в личности Гиляровского. Насколько я помнила рассказ Рубцова о Гиляровском, родился этот чудак в середине XIX столетия в Вологодской губернии у мелкого служащего. Родился чудак Гиляровский зимой в коровьем хлеву. Нянил его дедушка-матрос, заронивший в душу питомца любовь к бурлакам. Детские годы Гиляровского проходили во времена отмены крепостного рабства на Руси, однако в Вологде крепостное рабство по инерции удерживалось еще несколько десятилетий. Жили в том Вологодском краю, где родился Гиляровский, ссыльные политические преступники и баламутили своим вольнодумством болотную скукотищу провинции. Зато принципиальные вологжане, как поучал меня поэт Николай Рубцов, отличались от политических баламутов устойчивой, незыблемой любовью к Родине. Они являлись ЭНДЕМИКАМИ. Это трудное новое слово я тогда не сразу осмыслила. Николай пояснил, что ЭНДЕМИКИ – это патриоты своей Родины, которые ничуть не приспособлены к проживанию в чуждой среде. Так, например, птичка колибри не встречается нигде, кроме Южной Америки, и колибри поэтому патриотка своей Южной Америки. А вот прудовая улитка прудовик (особенная) не в состоянии существовать нигде, кроме Ирландии. Поэтому улитка прудовик – патриотка Ирландии. Или, к примеру, эльдарская сосна – эдакая капризуля!.. Эльдарская сосна может расти лишь в Грузии, нигде боль-

ше. ЭНДЕМИКИ означают уникальных патриотов своего края, это уникамы, как я догадалась в мои 17 лет. Николай Рубцов закинул ногу на ногу и продолжал просветительство насчет его земляка Гиляровского. Оказывается, отец Гиляровского сочувствовал вольнодумцам и даже опекал участников польского освободительного восстания 1863 года, что меня сразу заинтересовало по причине моей родственной принадлежности к полякам по материнской линии.

– А почему, Коля, ты не дружишь со Сталиной, ведь она из Вологды? – полюбопытствовала я, подозревая, что земляческая дружба была бы логичной.

– Потому что я Сталина недолюбиваю, – буркнул Рубцов.

– Мои родственники по материнской линии пострадали от сталинских репрессий, – сказала я, – поэтому я Сталина совсем не люблю. Но уважаю, правда, потому что мой отец на фронте воевал за Родину, за Сталина. Освобождал от немецко-фашистских захватчиков Польшу, Украину, Крым, Северо-Западную Белоруссию да всю Прибалтику сапогами протопал.

– Да, – согласился Рубцов, – я слышал от фронтовиков, что в бой шли за Родину и за товарища Сталина – вождя, поэтому он как вдохновитель победы достоин уважения. Но любят Сталина пускай те, кому он был отцом родным... А вот мне – не был!.. Ну, а что касается вологжанина Гиляровского, то он благополучно заканчивал Вологодскую гимназию и вынашивал план побега из семейного гнезда. Побег удался, и попал юнец на Волгу, запрягся бурлачить. Так началось бродяжничество чудака Гиляровского. Бродяжнический образ жизни позволил Гиляровскому до тонкостей распознать народную душу великорусского племени и полюбить глубже своих соотечественников. Гиляровский был классическим ЭНДЕМИКОМ. Набродяжничавшись всласть, Гиляровский поселился в Москве и кормился журналистикой. Был он талантливым рассказчиком, восхищав-

шим Бунина, Чехова, Куприна, Шаляпина и даже выдавшего виды адвоката Плевако, которого вообще ничем нельзя было удивить. Даже режиссеры Станиславский и Немирович-Данченко советовались с Гиляровским в деле изображения народных персонажей на театральной сцене, – такой это был знаток человеческих душ. Вот уж кто был настоящим великороссом, так это Гиляровский! А начался Гиляровский в Вологде. Всю жизнь Вологодский край духовно питал Гиляровского: дремучие леса наделяли этого чудака и бродягу богатырской силой, а сам он – могучий и огромный – был похож на медведя. Еще в ранней юности, в твоих летах, в Вологде Гиляровский на спор завязывал кочергу узлом, свертывал штопором металлические ложки, гнул монеты. Он вообще был по-русски красив той великорусской красотой, которая не оставляет равнодушными женщин. Не то, что я! Не выдался, – вздохнул Коля. Но я поспешила его утешить: «Мал золотник, да дорог!.. Ну, а еще какой был Гиляровский?»

– Еще в ранней юности в Вологодском краю гимназист Гиляровский ощутил в себе такой мощный дух великоросса, что внутренняя сила сделала его добрым, очень добрым, почти нежным. А вот усы были у него, как у Тараса Бульбы. Поэтому художник Репин попросил Гиляровского позировать для исторической картины «Запорожцы».

Чуть позднее, весной 1968 года меня решила проводить моя крестная мать, родная сестра отца, тетушка Наталья. Бездетная и одинокая моя тетя волею судеб была занесена ветром в Малороссию из калужской деревни Косынь, где родилась она вместе с моим отцом и дядей в потомственной крестьянской семье, и вот теперь привезла мне с Южной Украины гостинцев. Тетушка Наталья отличалась сталинским трудолюбием и сталинской суровостью в отношении к морали. А тут в комнату постучал Николай Рубцов, и мне как-то неудобно

было отказать в приеме даже из-за строгости моей тети, и я его впустила. Догадливый поэт смекнул, что тетушка Наталья не выносит стихов и еще – чего доброго! – захрапит после второй строчки, так что про поэзию мы молчали. Несмотря на неласковый прием моралистки-тети, она очень понравилась Николаю, и он с удовольствием хвалил ее пирожки. Мы распечатали варенье из лепестков роз, собранных тетушкой в собственном саду и сваренных специально для меня, пили розовый чай вприкуску с тетушкиными варениками. Наконец и тете понравился мой старший приятель Коля, который держался почтительно и благородно. Когда Рубцов отклонялся и удалился, тетушка сказала о нем, что он – очень честный человек. Это была высшая похвала и означала: НАСТОЯЩИЙ, не продажная шкура какая-нибудь, не доносчик.

Теперь я понимаю, что честный человек – это ПРАВДИВЫЙ человек. А правда, как известно, – дочь времени.

10 СЕНТЯБРЯ 1995 года, ПРАГА

Умственная зрелость западноевропейского сознания поражает при сравнении с русским романтизмом да с романтической коллективной графоманией: ненормальным увлечением поэзией и литературным творчеством в целом. В Европе люди прагматичны, мыслят сперва о выгоде и пользе, лишь затем о чувствах. Вот в этом и проявляется их интеллектуальная полноценность. Правда, европейцы упорядоченностью своей слегка мне кажутся автоматами, но все равно это не содержит в себе такого вреда, как оголтелый советский романтизм с его умопомешательством на поэзии. Помнится, заведующая отделом писем писательской газеты «Литературная Россия» выразила мне в ответ на мое неудовольствие от коммунистической графомании мнение о том, что графомания отвлекает алкоголиков от водки, а преступников от злодеяний, поэтому ЦК КПСС поощряет графо-

манию. Я с ней не согласилась, не согласна и двадцать лет спустя, и могу возразить ей мысленно: графомания есть психическая болезнь, душевное расстройство. Зачем же такой ценой бороться с алкоголизмом или преступностью?.. Помнится, я трудоустроилась литературным консультантом в газету «Литературная Россия» после выхода в 1973 году своего первого сборничка стихотворений. Коммунистический цензор, именовавшийся тогда редактором, не позволил составить книгу из моих лучших стихотворений-литавров, и ради выхода в свет моей первой книжицы я сляпала ее из нарочно сочиненных стихов с заниженными качествами, которые устраивали бы редакцию. Не все, правда, были там столь посредственные, проникли все-таки и настоящие мои стихи. Но лишь через восемь лет во второй книге я смогла опубликовать верлибры и белые стихи, не прошедшие цензуру с первого раза. Что можно сказать хорошего о том поэтическом романтизме и о том использовании изящной словесности в утилитарных целях Коммунистической партии Советского Союза для пропаганды коммунистических идей?.. Правда, были в моей поэтической юности и молодости достойные люди, ценившие поэзию, работавшие с нею или в ней и не ставшие моральными уродами от замыкания всего себя на поэзии. Такова была моя лучшая подруга юности Ольга Вахмистрова – тульская поэтесса, происходившая из русских дворян. Симпатизировала я позднее и Тамаре Пономаревой – перпертууму-мобиле, восхищавшей меня своим дружелюбием, Светлане Соложенкиной – чудной пейзажистке с меланхолической склонностью к созерцанию мира... Таковыми были и детдомовские выкорышки – поэты Николай Рубцов и Валентин Устинов, с которыми меня объединяла мужественная жажда правдивых отношений, честности и потребность в героизме. Литературный критик Вадим Дементьев – сын знаменитого литературоведа, и поэт Юрий Кузнецов сделали для моего творческого развития своим уча-

стливым отношением да, быть может, душевной любовью столько, сколько я не могу даже приблизительно исчислить, не способна покамест найти меру для определения таких вычислений. Мои друзья ставили своей нравственной задачей сделать свое поэтическое творчество и мечом духовным, и шлемом самозащиты в период запрета на слово Божие. Косвенно, не всегда прямо, но мои друзья превращали свое поэтическое слово в молот, разбивающий крепостную стену коммунизма. Никто из них никогда не сказал мне ни одного недостойного или лукавого слова. Эти писатели-просветители были героями, народными поэтами, борцами за народное благоденствие в СССР.

Однажды, помнится, утром Николай Рубцов пришел в гости к нам с Ольгой Вахмистровой в нашу общежитейскую келейку, выходявшую окнами на юго-восток. Был воскресный день, полыхало солнце; в трехлитровом чайнике дымился студенческий кофе с цикорием, Коля выложил на стол кулек пряников. Тихим голосом беседовал он с Ольгой, которая была ему сверстницей, насчет того, что такое стандарт человеческой личности. Ольга утверждала, будто бы права была ее бабушка. Верующая русская дворянка, Олина бабка считала стандартом набожного человека, а евангельское благовествование абсолютным духовным стандартом и единственным. Рубцов вздыхал о том, как далеко нам до этого идеала да и где взять Евангелие? Вообще же в студенческом общежитии царила атмосфера тягостная, скандально-алкоголическая, и я, приученная к порядку и воспитанная в западноевропейской муштре, постоянно с кем-то конфликтовала. Однако я нежно и мирно дружила с Вахмистровой и с Рубцовым, и за все время приятельствования у меня с ними не возникло ни единой ссоры. Я объясняю этот факт чувством братско-сестринской любви между нами. Меня ничуть не сбивали с толку слухи о том, что Рубцов был человеком вздорным, характер его отличался раздвоенностью

и огорчительным чувством неудовлетворенности собой и всеми. Тем более странным казалось то, что мы никогда не ссорились. К тому же для многих непрошенных гостей у меня наготове стояло оружие самообороны: веник. Я открывала дверь своей комнаты на цепочку и била по морде веником любого хахаля, который осмеливался в позднее время стучать ко мне. Все об этом знали и не дерзали отведавать веника. Рубцов потешался! Возможно, еще мы никогда не ссорились потому, что отсутствовал повод для ссор: из нас троих никто друг другу не завидовал. Притом никто не мешал другому свободно мыслить и говорить, никто не спорил, просто у нас происходил цивилизованный обмен мнениями – приятный и полезный. Мы с Ольгой слушали Рубцова раздумчиво, будучи не в состоянии сразу понять иногда путанный ход его мыслей. Помню, как Николая удивило и обрадовало мое восхищение его стихотворением про девочку на качелях. Он даже сперва не мог поверить моему восторгу, поскольку я, воспитанная писательской средой Украины, к моменту поступления в Литературный институт изрядно разбиралась в литературном анализе и мое мнение всегда было аргументированно. Потом Коля признался мне, что никому это стихотворение почему-то не нравилось в общезнании. Мне было понятно почему: ведь эти рубцовские «Осенние этюды» были написаны белым стихом без рифм. А я, воспитанная писательской средой Украины, была достаточно искушена к моменту поступления в московский идеологический вуз и в белом стихе, и в верлибре, и в свободном. Из-за современности моего литературного творчества юношеской поры у меня было так много завистливых врагов, что я находила странным почтительное любопытство ко мне Николая Рубцова – поэта традиционного, даже консервативного. И так случилось, что я стала первой слушательницей «Осенних этюдов», которая восхитилась белыми стихами Рубцова. К тому же, чем старше я становилась, тем боль-

шее сострадание чувствовала я к Коле, хотя и не могла объяснить себе: почему, собственно? Ведь он никогда не жаловался мне. Полагаю, однако, что я умела точно чувствовать его душевное состояние и в нужный момент умела оказывать негласно требуемую им душевную поддержку: просто ободрить сомневающегося в себе и запутавшегося в жизни человека своевременным добрым словом. Он испытывал благодарную нежность ко мне за это и сетовал на судьбу, разлучившую его с дочерью – маленькой девочкой, которой остро не хватало его сердцу. Мне созвучно было состояние Николая Рубцова, поскольку родители-сталинисты обходились со мной так жестоко, что я постоянно страдала из-за своего сиротства при живых родителях. Одна только тетушка Наталья знала тайну моей судьбы и выращивала в своем саду для меня тыквы, дыни, арбузы, маки, мяту и мелиссу, чтобы я в гамаке между ореховыми деревьями могла любоваться ими. Моя крестная мать даже просила меня называть ее мамой, наблюдая, как моя родная мать делает бесчеловечную разницу между мной и моим родным младшим братом. Но судьба художника не бывает простой, если художник настоящий. Догадываясь о чем-то родственном, Коля объяснял мне то, чего по молодости лет я еще не понимала: «Настоящий поэт – это жертва. Если поэт благополучен, счастлив и сыт, – значит, это стихоплет, каких повсюду пруд пруди! Сколько книг такой стихоплет ни нацарапал бы, а стихоплетом и останется, ничтожеством! И книги его истлеют вместе с ним».

Однажды теплым весенним вечером мы с Рубцовым выбежали на улицу и наломали букет из цветущих яблоневых ветвей. Утром Коля принес мне с вахты письмо от Николая Ушакова из Киева – классика русской поэзии, рубцовского тезки. Мы вместе с Колей завтракали и читали письмо с детальным разбором моих модернистских стихов. Рубцов заметил, что такая обстоятельная критика даже делает мою учебу в Литинституте из-

лишней, если меня много лет учит сам Ушаков. «Но все же, — рассудил Рубцов, — в Литинституте есть конкуренция, пример сверстников, и это возбуждает азарт. Ради этого есть смысл мучиться в общежитии».

Я вспоминаю, сколько скандальных историй окружало имя Рубцова, сколько было вокруг него хвастунов, дравшихся с маленьким и довольно тщедушным Колей потому, что он не признавал их гениальности. Если даже Рубцов и подначивал кого-то бравадой насчет его собственной гениальности, то мне он не смел произносить ничего подобного. Я полагаю, что на самом деле поэт Николай Рубцов без конца терзался сомнениями: да стоит ли чего-нибудь он в поэзии? В моей памяти Коля так навсегда и остался непримиренным с самим собою.

Да, он знал себе цену, поскольку ему о ней сообщили авторитетные литературные критики; знал, но не верил; верил, но сомневался... Это было в нем что-то лермонтовское. В лифте студенческого общежития висело большое зеркало, и как-то утром я обнаружила зеркало разбитым. На мой вопрос о том, кто это натворил, последовал ответ: «Пьяный Рубцов разбил в зеркале свое собственное отражение, которое не понравилось ему».

Этот факт подтверждает мою версию о раздвоенности и неудовлетворенности трудного характера талантливого русского поэта.

11 СЕНТЯБРЯ 1995 года, ПРАГА

Сегодня на лекции по Стратегической Гармонии пришлось продиктовать моим вольнослушателям формулу, составленную мною из суммы логических понятий. Выглядит она так: «ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЕ человеческой личности — это его нацеленность на что-либо и стремление действовать (ВОЛЯ) плюс РЕШИТЕЛЬНОСТЬ действовать безотлагательно». Одного русского маляра из вольнослушателей эта формула почему-то потрясла до глубины души. Его приятель-хохол ничуть не удивил-

1373710

ся, но тоже записал в блокнотик. Фрида с компанией посетителей синагоги только презрительно хмыкнула: дескать, что тут нового?

Этого маляра-беднягу я учу бесплатно; символическую плату за обучение платят мне также и украинцы. Слово «волеизъявление» настолько потрясло все его существо, что он молчал до тех пор, покамест я не провела разницу между волеизъявлением человека, владеющего собой, и капризом шлюхи или алкаша. Маляр, этнический русский, нашедший работу с нормальной оплатой в Чехии, мрачно спросил у меня: был ли капризным его любимый поэт Николай Рубцов, известный пьяница? Я с облегчением опровергла подозрение в капризности натуры поэта и объяснила рубцовское заболевание алкоголизмом тем, что у поэта были слабая воля, слабый характер, говорила о необходимости тренировать способность к волеизъявлению так же, как мы тренируемся в детстве при обучении азбуке или счету.

После лекции несколько моих учеников славянского происхождения предложили мне походить вокруг пруда и покормить уток. Они жаловались мне на то, что все мемуары про поэта Николая Рубцова как-то невольно пачкают любимого народного поэта, пачкают свидетельствами про низменность его алкоголической натуры, и ждали, что я скажу на это. Я ответила, что именно такая компания свидетелей препятствует мне свидетельствовать о Николае Рубцове иное, что не укладывается в сложившиеся рамки представлений о нем. Тесные рамки сложившихся представлений о поэте Рубцове сколочены его собутыльниками, завистниками и тайными врагами, я же не принадлежала ни к одной из этих категорий, где так мало было бескорыстных и честных друзей. Да и саму себя ни в коем случае я не могу причислять к категории друзей Рубцова – уж очень разными были мы с ним, и отношения наши носили просто лишь приятельский характер. Вот именно по причине

существования между нами такой взаимно почтительной дистанции поэт Николай Рубцов выглядит в зеркале моей памяти совершенно иным, чем изображают его люди, знавшие Рубцова ближе. В зеркале моей юношеской памяти поэт Николай Рубцов являлся интеллигентом в первом поколении, который умел критически относиться к себе и сожалеть о нехватке у него культуры: ведь он был сирота!

В зеркале моей студенческой памяти конца шестидесятых и начала семидесятых годов поэт Николай Рубцов безусловно отразился как талантливый человек – автор книг «Звезда полей» и «Сосен шум».

Изредка в студеные осенние вечера забирались мы с Колей у меня в комнате за дубовым чайным столом, украшенным хвойным букетом, который Коля добывал на окраинах Останкина для того, чтобы выглядеть передо мной безупречным кавалером. И он всегда выглядел безупречно в моем обществе! Ни разу он не оскорбил меня ни словом, ни жестом, ни постыдным поползновением. Мы скорее приятельствовали, чем дружили, если будет позволено мне так назвать наши многолетние отношения.

В один такой студеный осенний вечер сидели мы за чаем с мятными леденцами при свете парафиновой свечи, которая придавала сосновому букету с гроздьями красной рябины некую торжественность, и обсуждали проблему возраста Вселенной: 20 миллиардов лет – это никак не укладывалось у нас в головах. Могли ли мы с Рубцовым когда-либо поссориться, если противоположности наших натур являли редкое единство, как в бруске магнита положительный и отрицательный его концы?!. При свете дешевой парафиновой свечи, воткнутой в горлышко зеленой бутылки из-под лимонада, распитого нами с Колей, в хвойном букете красовалась дубовая веточка с порывевшими листьями, и мы продолжали мирную беседу о космологической сингулярности, с трудом доходившей до нас обоих, которую астрофизик

Зельдович предлагал принять за абсолютную точку отсчета времени, начала времени... Коля спросил, написала ли я что-либо на тему времени? Я кивнула и прочитала стихотворение «В пыли на площади», которое никогда не удалось мне опубликовать ни в одной книге, и я считаю его исчезнувшим. Если же оно сохранилось в чьем-либо архиве, то вполне может иллюстрировать впоследствии круг интересов русского поэта Николая Рубцова. Очень нравилось ему и мое стихотворение про Иисуса Христа «Со знаменем любви сходящему», которое, вероятно, я тоже сожгла в очередном приступе меланхолии. Возможно, мои друзья хранят какие-то мои самиздатовские рукодельные книжечки стихов той горестной поры, когда меня не издавали. Может, эти стихи уцелели?.. Впрочем, это не суть важно, нам важна фигура Николая Рубцова, никем не понятая личность этого крупного русского поэта или понятая превратно.

Живопись и графика замечательной русской поэтессы с Урала Светланы Соложенкиной, ее пейзажи и натюрморты веселили в те описываемые времена всех жителей общежития Литературного института, особенно поэта Передреева и белоруску Раису Боровикову. Моя приятельница Любовь Филимонова (тоже из Белоруссии) мастерила талантливые вещицы из картона, а я вырезала орнаменты и увешивала ими убогие стены своей общежитийской комнаты. Мои рукоделия в жанре прикладного искусства распотешивали Рубцова, он был ценитель народных ремесел и вообще прекрасного, а не только лишь водки вприкуску со стихами.

То есть я утверждаю, что личность крупного русского поэта Рубцова понята превратно и вообще не понята. Мое утверждение распространяется также и на представление русского этноса о великорусском национальном характере. Старинный украинский историк Грушевский полагал, что Киевская Русь является основой для

осознания местными славянскими племенами своих корней, своего происхождения, значения и национальной гордости. Я к этим самым племенам имею наипрямое отношение, из этого я и исхожу в моей оценке личности Николая Рубцова. И всех, кто пачкает поэта в дерьме нетрезвых воспоминаний, я адресую к историку Грушевскому.

Рубцов особенно уважал историка Карамзина. Еще Коля увлекался романами на тему морских баталий про адмиралов Нахимова и Ушакова, про совместную победу в русско-турецкой войне моряков и пехотинцев под предводительством Суворова. Мы с Ольгой слушали истории морских боев, затаив дыхание. Начиная с лета 1969 года, когда я впервые надела морскую форму и работала матросом в машинном отделении теплохода «ОМ-34» на Братском море (в пору студенческих каникул), я ходила предпочтительно в тельняшке с белыми брюками, а случалось, что нацепляла на гипюровую кофточку настоящий просоленный в море морской гюйс. Это была память о моих друзьях-товарищах с Братского моря, о капитане Лебедеве. Я целиком разделяла возмущение Николая Рубцова поведением группировки Бориса Химерова, которая нарушала закон мужской солидарности – этот первый принцип морской дружбы. Коля толковал Ольге, что законом мужской солидарности и первым принципом морской дружбы является обязанность уважительного отношения к любому человеку, даже к самому малому, слабому, дурному – Бог ему судья! А из этого следовал запрет на зависть, табу на зависть к человеку, превосходящему тебя в чем-то: к большому, сильному, к выдающемуся. Рубцов называл зависть причиной всех несчастий русского народа, упоминал про табель о рангах Петра Великого-корабеля. Такая петровская иерархичность прищемляла хвосты завистникам по принципу: каждый сверчок знай свой шесток!

13 СЕНТЯБРЯ 1995 года, ПРАГА

Быть кабинетным ученым — одно дело, профессорствовать — другое, тут необходим педагогический дар, которым, кажется, я не обладаю. Ну, например, зачем я не промолчала, когда Фрида начала портить мне лекцию рассказом про зоофилический секс, который с ее компанией вчера они ходили смотреть в ночной клуб? Если бы я смолчала, позволила бы любителям зоофилического секса выпустить пар и как ни в чем не бывало приступить к Стратегической Гармонии, то я не оконфузилась бы так, не выглядела бы так растерянно, что лекция сорвалась, начался базар... Но и сейчас, вечерней порой в цукрарне за чашкой успокоительного чая, душе моей отвратительно от хамского рассказа Фриды про стриптиз в ночном баре и про кобелиное шоу. Специально выдрессированные английские бультерьеры выучены для сексуального обслуживания климактерических леди, и стриптизерши за астрономическую цену демонстрировали в ночном клубе такой собаче-женский спектакль... Господи, помоги мне на моих лекциях взять инициативу в свои руки и заткнуть поганые глотки зоофилам!.. Здесь, в Горных Почерницах, делаю я эти записки, потому что хозяйка цукрарни позволяет мне выбрать из золотого сундучка любой пакетик чая с красочной этикеткой, и я прежде обнюхиваю пакетики, выбираю подходящий аромат, потом отдаю заваривать. Хозяйка пани Тереза рассказала мне про ее педагогическую попытку по преодолению детского интереса к спиртным напиткам. Так, она сегодня показывала посетителям своего сладкого заведения — школьникам, кушавшим здесь пирожные, опыт с земляным червяком. Пани Тереза опустила одного червяка в стакан с водкой: червяк сдох. Затем пани Тереза опустила другого червяка в стакан с никотиновыми фильтрами. Этот подергался и вскоре тоже сдох. Тогда озорник Гонза, лакомившийся гоголем-моголем, уцепил еще одного червячка из ры-

боловной банки и швырнул себе в вазу с гоголем-моголем. Пани Тереза спросила своих маленьких клиентов: «Какой вывод можно сделать из проведенных педагогических опытов?» Восемилетний Гонза ответил: «Если не пить спиртных напитков и не курить табак, то можно сделать бизнес на выращивании червей в гоголе-моголе». А я никак не могу сделать свой преподавательский бизнес, ребенок и тот соображает в коммерции ловчее меня!.. Я же лишь разглагольствую на высокие темы, хотя, впрочем, в этом и заключается мой принцип противостояния низменности. Вот, к примеру, сегодня на лекции после зоофилического базара я не нашла ничего лучшего для спасения занятий, чем рассказать про Яна Жижку. Мало кто знает, что этот революционер из Богемии захотел поддержать своего товарища Уиклифа и завещал после смерти снять с себя кожу, натянуть на обруч, изготовить барабан, вручить такой барабан барабанщику и стуком созывать на битву с врагами. Я намеревалась этим примером из героической судьбы Яна Жижки показать более достойное для человека времяпровождение на земле, чем забавы на кобелиных шоу. Вспомнила я и про античность, про Геракла, который отнял у фракийского царя свирепых коней-людоедов, в чем состоял девятый подвиг Геракла, то есть античный герой умел правильно расходовать ограниченное время своей земной жизни... Когда-то Рубцов, Валерий Христофоров, Петя Пиница и я вчетвером сживали вокруг моего дубового стола в Останкине за поллитровым графинчиком из голубого стекла и обсуждали проблему: правда ли существовали в прежние дохристианские времена кони-людоеды?.. Мы пригубляли прозрачные голубоватые рюмки с моим любимым итальянским вермутом, кушали мороженое из грубых граненых стаканов и умозаключали, что генная инженерия была известна людям доисторических цивилизаций, поэтому кони-людоеды могли существовать... Никто не повышал тон на коллегу, никто не произносил

недостойных слов – таков был неписанный закон в моей студенческой кают-компании. Мы обсуждали научную гипотезу о том, что в момент сингулярного сжатия Вселенной до зерна Вселенная была частью Бога, а быть может, и Самим Богом...

Если же Коле хотелось подурачиться со мной, он приходил ранним утром в воскресные дни, будил нас с Ольгой в нашем кубрике, заваливал стол горой конфет и печенья, затевался чай... Ольга чудесно пела за столом для нас песни: «На побывку едет молодой моряк, грудь его в медалях, ленты в якорях», и еще пела Вахмистрова нам «Черное море»: «Тот, кто рожден был у моря, тот полюбил навсегда белые мачты на рейде, в дымке морской города...»

Я выряджалась в морскую робу и танцевала перед ними в комнате. Я танцевала морской танец одна, а Коля аплодировал мне и Ольге.

17 СЕНТЯБРЯ 1995 года, ПРАГА

Сегодня на лекции по умению выживать в сложных ситуациях (мой авторский курс Стратегической Гармонии) разговор неожиданно свелся к повести Куприна «Колесо времени». Моя тридцатилетняя слушательница Фрида, которая вместе с семьей покинула сперва СССР, а затем Израиль и переселилась в Чехию, предъявила мне претензии в том, что этнические русские мужчины со времени Куприна живут в домах женщин примаками и предпочитают быть иждивенцами своих любовниц. А за женское великодушие русские мужчины еще и презируют любовниц. Я разозлилась слегка, чего греха таить? И отмела эту чушь заявлением о том, что к умению выжить в сложных ситуациях повесть Куприна отношения не имеет. Но тут как завыл весь коллектив: оказывается, имеет! И в самом деле: ведь персонаж повести является русским эмигрантом (инженером по образованию), а мой коллектив сплошь эмигрантский... Пришлось заняться треклятой повестью. Вмес-

то Гармонии часто преподаю литературоведение – когда же я избавлюсь наконец от проблем русской литературы?!

Опять пришлось говорить слушателям о Рубцове, и это раззадорило молодого версификатора Соломона, который увязался со мною в Голещовицы. По пути я рассказывала Соломону о моем уважительном отношении к советскому фронтовику и поэту Межирову, прославившемуся поэтической строчкой: «Артиллерия бьет по своим». За нами плелась парочка влюбленных вольнослушателей, которая изредка встревала в нашу с Соломоном беседу.

Симпатичный 25-летний парень, вернувшийся из Израиля, программист Соломон в доверительной беседе указал мне три слабину русского этноса, точно и разумно объяснил свою точку зрения на русскую историю в XX столетии и растолковал то, почему, как он считает, русский народ стоит на коленях. Эти три слабину народа таковы:

- 1) слабоумие;
- 2) слабоволие;
- 3) слабохарактерность.

Соломон угощал меня белым венгерским вином в Голещовицах, я лишь пригубила бокал, но не стала пить до дна. Я смотрела на молодого человека с нескрываемым любопытством и просила продолжать, если он не против. Соломон ощерился и произнес, что во главе этих трех слабину русского этноса он усматривает отсутствие истинного смысла жизни, отсутствие подлинно великой сверхзадачи существования. Соломон считает, что смысл жизни и сверхзадача существования русского человека ложные, иллюзорные, а потому рушатся подобно колоссу на глиняных ногах.

Другие вольнослушатели сравнивали Россию с поверженным наземь Гулливером, по которому бегают лилипуты и крепко-накрепко связывают лежащего Гулливера морскими канатами. Я отодвинула початый бо-

кал, вышла из-за стола, поблагодарила моих юных слушателей за искренность и побрела в одиночестве вдоль по набережной реки Влтавы. Меня шатало и рвало.

9 ОКТЯБРЯ 1995 года, ПРАГА

На лекции Гармонии пришлось вскользь упомянуть про Азовское море, вокруг которого кочевали половцы, скифы, амазонки, ласкавшие войско Александра Македонского и рожавшие от его солдат детей... Воевали тут с азиатами и сарматы... Здесь я в детстве купалась в соленом Азовском море. По сей день остается загадкой гибель Боспорского царства, располагавшегося на Азове за две с половиной тысячи лет до нашей эры, Христовой. Поэтому незаметно как пыль античная культура проникла в меня через поры моего тела. Однажды в компании с Петей Пиницей, бывалым морским волком, Валерием Христофоровым - геологоразведчиком и Рубцовым по обыкновению пили мы душистый итальянский вермут из прозрачных миниатюрных рюмок в моей студенческой комнате, договорившись отдохнуть от стихов и просто наслаждаться солнечным летним закатом. Студенты архитектурного института дали мне напрокат проигрыватель грампластинок, и мы слушали запись музыки Глинки. Я объясняла непонятные музыкальные отрывки своей компании, потому что в семилетнем возрасте родители подарили мне пианино да музыкальную папку для нот с выпуклым барельефом на ней, изображавшим профиль русского композитора Глинки. Николай Рубцов говорил о трепетности, которой не хватает в сегодняшних искусствах всех жанров и которая наличествовала в музыке Глинки. Это слово «трепетность» запомнилось мне своею точностью и простотой.

Наша искренняя, лишенная состязательности и амбициозности застольная беседа переметнулась к темам благородства русского национального характера и жертвенности русской души. Кажется, Христофоров буркнул про то, что понятие жертвенности двояко и коварно, так

как жертвенность включает в себя обслуживание и содержание хитрецов за свой счет. Он договорился до того, что с V столетия уже принято было в Европе искать жертвенных дураков, лицемерно именуемых благородными гражданами, для самой утилитарной цели: потребить их жизнь, здоровье, труд, деньги, счастье ради благородного обслуживания неблагородных хитрецов. Я была возмущена до предела! Петр Пиница поежился и подтвердил, что сталкивался с такими фактами на морской службе. Коля затрепетал. Мой студенческий кружок Любомудров заговорил об античных жертвоприношениях богам живых людей, многие из которых желали обрести на небе венец героя и умирали жертвенной смертью вместо провинившегося преступника богатого сословия. Мы исследовали вопрос: не тогда ли зародилась идея благородства и благородной жертвы?

Валерий Христофоров и Петр Пиница полемизировали о правомочности жертвы, о том, не нарушает ли жертвенность закона справедливости? Мы же с Колей эдак сразу да вдруг не могли определить для себя, что тут правильно, а что неправильно, и между делом вслушивались в музыку Глинки.

Ароматный итальянский вермут в голубых прозрачных рюмках, принимаемый нами микродозами, мы закусывали кедровыми орешками и наслаждались полыханием солнечного дня в распахнутом июньском окне моей студенческой обители. На этот раз Коля приволок мне охапку лесных цветов: ромашек, колокольчиков с Химкинского берега Москвы-реки и еще каких-то, которым я не знала названия. Разговор зашел о том, что сын смертной женщины богатырь Геракл освободил Прометея от терзаний, которым он подвергался по решению античных богов на Кавказе за то, что сообщил людям правду о рукотворной истине – о том, что когда-то мы тоже были богоподобными существами. Но в результате геной инженерии наших предков искусствен-

но повредили в способностях, навели порчу намеренно – для того, чтобы служили рабами для высшей цивилизации. Из этого компания умозаключила, что человечество представляет из себя жертву для какой-то касты сверхлюдей, с которой общался Адольф Гитлер и, между прочим, трепетал перед ними от ужаса. Мы договорились до того, что искусственное слабоумие человечества обязывает нас взяться за ум!.. Но что было толку от наших разговоров, если «взяться за ум» означало взяться за возделывание своих характеров, а никто из нас в этой самодрессировке не преуспевал?!

17 ОКТЯБРЯ 1995 года, ПРАГА

Сегодня на лекции по Гармонии один юноша, вернувшийся из Иерусалима в Европу, который посещает занятия от скуки своего благополучного существования, толково мне возразил. Он сказал, что не признает христианского взгляда на человеческое существо как на богоподобное и нисколько не боготворит ни природу, ни самого факта человеческой жизни. Эдакий юный старичок! Он тоже развлек меня своим цинизмом. Именно этот цинизм является неизбежной перспективой общечеловеческого существования в самом ближайшем будущем. Что же делать романтикам – русским дуракам – в ситуации убийственного цинизма: неужели же сложить лапки да гибнуть жертвенной смертью благородных людей?!

А быть может, наши романтики еще и примутся дружным поэтическим хором воспевать свою благородную гибель? Очень похоже на то, поскольку графомания в России не унимается, стихоплетство как вид поврежденности интеллекта не исчезает. Не то Добролюбов, не то Писарев говаривали с издевкой, что стихотворчество похоже на ненормальную ходьбу впрыска. Да только эта мысль никого не отрезвляет в России. Словно никто не хочет приходить в себя. Однажды при пересечении

польской границы польский таможенник посетовал: «Никто не любит вас, русских граждан, потому что все народы вокруг русской границы плохие, одни вы хорошие!»

– С чего вы решили так, пан таможенник?» – опешила я в своем купе поезда.

– С того, – буркнул таможенник, – что граждане Российской Федерации чересчур самонадеянны. Вы считаете, что все народы вокруг русской границы неправильные, одни вы правильные! Вы ни у кого не учитесь из других народов, только всех других учите, самые великие! Никто, кроме вас, не знает, как жить, одни русские знают! Ну, и знайте себе! – ухмыльнулся и вышел.

На поляка обижаться не приходилось: гораздо более злые суждения, словно плевки в спину, кидали россиянам наши первейшие славянские друзья – болгары... Тоже умопомешанные на стихоплетстве.

На лекции сегодня я говорила об отсутствии критического отношения россиян к себе, что вредит здравомыслию. К сожалению, в Европе здравомыслие представляется безбожием. Неужели же безбожному человечеству предстоит регресс до людоедского состояния? Античный бог Кронос использовал чудовищную телесную силу циклопов для революционного захвата власти у своих предшественников, а затем посадил своих помощников на цепь. Помнится, мы смеялись над ними с Рубцовым, Пиницею да Христофоровым. Кажется, это было в весеннюю пору за чаем. На моем круглом дубовом столе возвышался казенный эмалированный чайник, лежал бумажный кулек с мятными пряниками...

Поэтому теперь мне как-то неловко да и обидно читать не прямые, косвенные свидетельства общежитейских собутыльников Рубцова про подразумеваемую русскую никчемность его алкоголической натуры. Быть может, Провидению Божию было угодно в конце шестидесятых годов XX столетия представить мне народного поэта Николая Рубцова совершенно в ином ракурсе.

Знакомство наше с Рубцовым произошло по инициативе самого Рубцова на лестничной площадке у лифта снежной весной 1968 года. Мне было 17 лет, я уже слышала о каком-то знаменитом Рубцове, но не испытывала восторга перед изданной его книгой, поскольку была воспитана в духе западноевропейской культуры на Украине.

Мы разговорились на просторной лестничной площадке, Коля узнал, что до стипендии далеко, и я голодна, смотался в магазин, принес мне еды и накормил меня. Я вызывала у него ассоциации с его дочерью, по которой он очень скучал. Рубцов кончил кормежку меня словами: «Будешь помнить Николая Рубцова!..» Как в воду глядел: через три года ему суждено было погибнуть насильственной смертью от рук графоманки. Убийство Рубцова, похоже, делает честь той графоманке, и она смеет еще именовать себя поэтессой!

Мне заметно истинное умопомрачение среди ложных филантропов, которые до сих пор церемонятся с убийцей Рубцова и по малодушию своему, а также по скудоумию не прогонят ее прочь. Это также еще и свидетельствует о ложно понимаемой русским этносом христианской морали. Ложное понимание христианского всепрощения породили в нас умственный хаос, полнейшую абракадабру. Но я не в состоянии преподавать свою Стратегическую Гармонию тем, кто в ней не нуждается. Если бы нуждались, не присвоили бы мне официальный статус безработной летом этого года на московской бирже труда Киевского района и я бы не приехала в страну, чей народ был раздавлен русскими танками пражской весной 1968 года, и не выслушивала бы теперь того, кто мы такие!..

Во всяком случае – не страусы, не прячем от правды голову под крыло или в песок!.. Мы еще разберемся и с историей насильственно привитого нам коммунизма, и со своей перспективой. Мы – русские, и этим все сказано.

Больше меня сказал о том, что МЫ – РУССКИЕ, Коля Рубцов, мой дорогой, милый Коля!.. Он не выносил никакой фальши, никакого притворства, это было его морским свойством характера. Поскольку я плавала однажды матросом на Братском море, то отныне меня с моряками объединяло чувство локтя, товарищеской верности. Так произошло затем и с Юрием Кузнецовым – подводником, который по клевете завистников в ту пору враждовал со мной без видимой причины.

Как-то Рубцов пришел ко мне поздним, глухим зимним вечером незадолго до гибели. Мы сидели за круглым столом, задвинутым в угол, при свете казенной настольной лампы, задравшей черный корпус вверх в потолок, чтобы освещение растекалось по комнате мягче и спокойнее. Был трагический для меня декабрь 1970 года, тосковал и Коля по каким-то своим личным причинам. Тогда тихим голосом читал он мне стихи «Я буду скакать по холмам задремавшей Отчизны», я выражала подлинное восхищение этими стихами, но Коля робко и недоверчиво переспрашивал: «Неужели понравилось?..» Все кругом лили елей ему, исключая конкурировавшего с ним Бориса Химерова, с которым Коля ссорился, я же нечасто одобряла что-либо, поэтому Рубцов дорожил моей оценкой.

Мы пили остывший чай с хлебом, притрушенным солью, был еще у меня к пиршеству лук, кушали и лук, грустно молчали. Он перекладывал свой берет с колена на колено. Но суть не в мелочах. Суть в том, что знание своей судьбы ощущалось каждым из нас, и нам требовалось почувствовать сопереживание друг от друга. Молчание давало нам больше, чем беседа. Тяжелое создавалось впечатление, гнетущее от того будущего, которое приближалось. Мы не знали, чем утешиться, и сокрушенно вздыхали из-за отсутствия свободы слова, свободы печати и свободы творчества. Передо мной сидел в понурой позе поэт Николай Рубцов в период постигшего его душевного кризиса. Я еще не по-

нимала этого тем более потому, что сама переживала свой душевный кризис: так случайно совпало. Поэтому наши сердца бились в унисон и наше тихое молчание подпитывало нас какой-то незримой энергией братско-сестринской любви, возникающей от взаимопонимания. У нас не было взаимопонимания ни делового, ни партнерского, ни обычного для общения мужчины с женщиной – нет, это не так. Наше взаимопонимание основывалось на чувстве сострадания друг к другу, происходящем от душевного доверия. Согбенный, в понурой позе, закинув ногу на ногу, Коля что-то говорил мне о любовных неудачах с женщинами, и я видела за этими печальными признаниями человека, рвавшегося к достойной жизни, человека, которому просто не хватало другой женщины, сильной личности, жены с волевыми свойствами характера. Таким я запомнила его в последний раз.

Коля по-детски улыбался, назидая меня поучением Суворова о том, что честь да честность составляют главные качества души русского воина. Поэт качал своей полысевшей головой и сокрушенно вздыхал из-за того, что никак не может достичь нравственной чистоты и доблести в той мере, как надлежит: не может постольку, поскольку нет места им во всеобщем повальном разгуле да пьянстве. Он сокрушенно качал головой и тихим голосом балагурил на сказочный манер про то, будто бы древний летучий «змий» – Дракон в пьяном разгуле подбивает его иной раз произносить выражения, которые впоследствии терзают поэта стыдом. Огорчался Николай Рубцов также из-за того, что будто бы Змей-искуситель подбивает его к пьянству и на прелюбодейные грехи, которые он так смешно называл первородными. Поэт жаловался, что каждый такой первородный грех прелюбодеяния по пьянке наполняет его трепетную душу ядом, и Николай долго страдает затем от нечистоты и тоски. Видя, как мне смешон его «первородный грех прелюбодеяния», Коля смущенно заменял витиеватую фразу словом «елдарить», а себя

сравнивал с елдарем Борисом Химеровым, нашим общим недругом, который до женитьбы сманивал девушек в общежитии к себе в постель ради хвастовства. Рубцов по морской традиции стыдился бесчестить женщин, стыдился и своей пьяной неразборчивости, но водка была сильнее его. Поэтому я замечала в нем нараставшее отвращение к самому себе, вызванное осознанием недостойности из-за алкогольной болезни. Мне казалась его душа незаживающей раной. Поэт нуждался в понимании, в милосердии, в человеческой любви и душевной ласке, и я как могла наделяла его этим. Коля тогда начинал забавлять меня шутками про то, что он срубит голову Змею Горынычу, нацепит ее на копье да примчит на коне в стольный Киев-град затем, чтобы из змеиного черепа сварганить пивной котел!.. Рубцов шутил со мною – уже тогда двадцатилетней, отвлекаясь от мрачных предчувствий.

23 ОКТЯБРЯ 1995 года, ПРАГА

Сегодня привелось рассказать слушателям моего авторского курса Стратегической Гармонии о том, почему следует предупреждать и избегать депрессию, да о том, что она из себя представляет. Мне поведали про то, что в подмосковном живом уголке при Дворце культуры жил длинный, толстый и могучий удав, который питался мышами да крысами. Сперва удав гипнотизировал взглядом мышь или крысу, лишал способности к сопротивлению, а затем пожирал жертву. Но вот в целях экономии электричества администрация перестала отапливать помещение, и любимец детей, мирный удав, впал в депрессию. Дети подсунули удаву крысу, но заболевшее депрессией могучее животное отвернулось от своей пищи. Удав обиженно лежал в ленивой полудреме и терпел, когда пища удава – живая крыса – прогрызала ему дыру в хвосте. Заболевший депрессией удав обессилел от тоски и грусти и, обессилевший, не находил в себе даже простого же-

лания стряхнуть с себя крысу вместе с обидой на судьбу. Так пища могучего животного – толстого и длинного удава, сожрала ему часть хвоста покуда эту крысу не выкинули вон. Из этой правдивой были следует вывод о том, что депрессия позволяет пище-ничтожеству пожирать своего хозяина и что ни в коем случае нельзя обижаться на судьбу, но следует всегда владеть собой, чтобы не быть сожранным.

Таким образом, мы вклинились в самые недра науки о счастье – в ЭВДЕМОНОЛОГИЧЕСКУЮ теорию, без знания которой будем оставаться жертвами судьбы. Немецкий философ однажды охарактеризовал счастье как такое существование человека, которое он безоговорочно предпочел бы смерти. Счастливая жизнь есть таковая, за которую человек держится отнюдь не из страха умереть. По-человечески несчастный Рубцов перестал цепляться за жизнь.

Но я не сказала о Рубцове на лекции, поскольку судьба поэта не относилась к теме лекции. Для себя же записываю мысль о том, что Коля был исключительно несчастлив в период духовного кризиса, и он сам спровоцировал свою смерть, как ни ужасно это звучит. Но провокация та отнюдь не может быть оправданием для убийцы. Богиня законного порядка Фемида отрицает ложно понятый русскими принцип ненасилия: ударили по правой щеке – подставь левую, сделайся жертвой. Этот ложно понятый принцип обезоружил нас и подчинил разбойной шайке интернационалистов в 1918 году, убившей святого русского монарха. Он же, монарх Николай Второй, тоже попался на удочку извращенно понятого христианского принципа ненасилия, сделался жертвой сам и пожертвовал народом обыкновенному логическому заблуждению.

Великий психиатр XX столетия Кандыба-старший, украинец по происхождению, дошел до утверждения о том, что назначение православной веры состоит в превращении людей в благородных жертвователей и рабов,

сделал вывод, что она не предназначена лидерам, покорителям и властителям мира. Политолог Истархов разделяет точку зрения Кандыбы.

Я тоже думала так — до тех пор, покамест не убедилась в том, что материализм есть духовная слепота, не допускающая загробного существования души. Поэт Николай Рубцов верил в существование души.

Политические разговоры Рубцов не поддерживал в силу своей лояльности, поэтому наши беседы с ним наедине сосредоточивались вокруг осмысливания человеческой души. Однажды в ненастный осенний вечер мы обсуждали тему натурфилософии, которая в своей изначальной форме являлась ничем иным, как космологией. Я листала журнал с публикацией сенсационного утверждения ученого-астрофизика Зельдовича о том, что сингулярность является исходной точкой отсчета земного времени, но остается неразрешимой загадкой проблема о том, что было до сингулярности, каков был мир и был ли он вообще?.. Коля изумлялся, качал головой и говорил, что он представляет задачи литературы более понятными: воспитательными, пожалуй. Меня же больше влекла философская задача литературного творчества, и я тыкала пальцем в хрестоматию, указывая на Дмитрия Туптайло, русского писателя XVII столетия, выходца из украинской семьи. Дмитрий Туптайло сочинял стихотворные комедии философско-религиозного свойства, наставлял русичей также и во всемирной истории. Прожил гениальный писатель и святой человек всего лишь 38 лет, как сломил его духовный кризис, и он умер. Дмитрий Туптайло был редким знатоком античной культуры и часто услаждал приятелей декламацией античных стихов. Согласно украинской традиции Дмитрий Туптайло был широко образованным человеком, и эта его образованность раздражала церковных ортодоксов, считавших, что великоросс обязан быть невежественным и нелюбопытным ради сохранения в себе православного целомудрия. Однако

Дмитрий Туптайло удостоился после своей смерти называться святым Дмитрием Ростовским Чудотворцем. Из этого следует, что наши церковные ортодоксы учили русских более быть жертвами и подставлять убийцам голову для ударов, чем следовало бы им учить великорусскую паству отнюдь не быть жертвами и не развращать убийц вседозволенностью злодеяний... В тот вечер Коля прочитал мне свой стихотворный шедевр «Я буду скакать по холмам...». На прощание я облобызала Рубцова в щеку – это был один из самых счастливых вечеров наших с ним наедине.

Я не пойму, почему так неотвязно крутится у меня в голове память о нем?.. В конце концов сотни более близких приятелей или друзей знают Николая Рубцова лучше меня, и память о нем не померкнет уже с их заботливой помощью. При чем тут мои мемуары, зачем они?.. Достаточно того, что сразу после смерти Рубцова я перепечатывала на пишущей машинке его стихи и рассылала композиторам, – то есть что-то делала для увековечивания памяти Николая. Что же так мучает меня, что так досаждаёт в коллективных воспоминаниях о нем, отчего никак не могу выразить сущность Рубцова в моем понимании, никак не создам более-менее точный его словесный портрет?.. Вероятно, мучает меня опoшление его имени, ставшего модным, досаждают мне ненужные дифирамбы, удаляющие от понимания личности поэта – его противоречивой и страстной натуры. Сиротство и бездомность – вот что являлось фундаментом личности Николая Рубцова. Это роднило его со мной, бессознательно страдавшей от сиротства, роднило затем с Валентином Устиновым, который был ли знаком с Рубцовым – не знаю, но тоже был и сиротой, и детдомовцем... Человек такого склада личности – сиротской – не выносит лукавства, подлости, предательства, не терпит чувства конкурентности – все это оскорбляет его. А тут претендовал на институтскую пальму первенства среди поэтов Борис Химеров – наш с Рубцо-

вым общий враг, которого я изобразила в стихотворении «Посвящение в комедианты». Между поклонниками Рубцова и Химерова происходили нешуточные пьяные драки. Как мне отвратительно вспоминать о том, что избитый компанией Химерова Коля приволакивался ко мне, падал в угол, натягивал берет на физиономию и долго так сидел, покуда не приходил в себя. Он часто скрывался у меня от своих преследователей, которых я презирала и которые обходили меня десятой дорогой. Что же до Рубцова, то и в таком состоянии ни одного раза Коля не обидел меня никаким словом, никаким жестом, никаким поступком.

И вообще меня удивляло поведение Рубцова в некоторых случаях. Например, залетная прибалтийская поэтесса Мара Гриеэзане вместе с поэтом Ароновым и большой интернациональной компанией как-то пригласила меня на пир в чью-то комнату. Я была сильно голодна, пришла и накинулась на картошку в мундире. Только от них я узнала, что Николай Рубцов хвалит меня передо всеми. В моем обществе Николай Рубцов вел себя подобно старшему брату – всегда безупречно и любяще. Но тогда еще я не умела этого оценить в должной мере. Тогда мы с приятелями подбирали на гитаре музыку к его восьмистишиям, и кто-то из парней мурлыкал песенные строчки Рубцова:

*Звездный небосвод полон светлых дум,
У моих ворот затихает шум...*

В этих строчках чудилось нечто лермонтовское, и Ольга Вахмистрова божественно пела их своим сопрано. Мы с Ольгой были единодушно убеждены в том, что Лермонтов – отнюдь не «ночное» светило русской поэзии, как обозвал его недоучка Белинский, а полноценный русский гений, причем поэт – истинно московский, коренной, национальный светоч, превосходивший масштабностью творческого дарования «дневное» светило... Однако не суждено было реализоваться строптивому русскому гению Лермонтову, поскольку ОН НЕ

ЗНАЛ СЕБЕ ЦЕНЫ и никто не знал ему цены!.. Православная скромность низводила его до столь жалкого уровня, что Лермонтов в своей самооценке унизился до своего убийцы и принудил последнего убить поэта. Я усматриваю в факте гибели Лермонтова суицид в нераскрытом его смысле. Лермонтов спровоцировал свою смерть и лишь по этой причине создал так мало. Та же история с Рубцовым, явно наделенным творческими задатками сродни лермонтовским.

Однажды Вахмистрова спела Коле про его звездный небосвод в нашей общей с нею комнате. Рубцов прослезился. Он чувствовал нашу застенчивую сестринскую любовь, чтобы не сказать – коллегиальную и не опошлить чувства.

Осенью 1969 года я похвалялась своим времяпровождением в студенческие каникулы безыскусным рассказом про то, как работала матросом на теплоходе в Братском море в летние месяцы. Кажется, номер теплохода был «ОМ-44», фамилия капитана – Лебедев. Капитан был очень доволен и гордился мною. Когда эту историю без прикрас услышал Рубцов, он сильно смеялся, и у нас зародилась морская дружба. Кто поймет это?

8 НОЯБРЯ 1995 года, ПРАГА

Любители поэзии Марины Цветаевой приволокли в аудиторию букет осенних листьев и несколько последних живых улиток, развесили флажки, продекламировали стихи про любовь. Видно, я сильно отравилось поэзией за четверть века служения в этом прокрустовом ложе интеллекта: едва-едва вытерпела я 20 минут, покамест молодежь выпустит пар, молча кивала, улыбалась, не считая нужным раскрывать никому тайну своей души. В мою бытность советской поэтессой поэзия производила на меня впечатление того фигового листка на теле голого Адама или голой Евы, который лишь самую малость прикрывает наготу разума. При-

ходится рассказывать юным стихоплетам о необходимости расширять интеллект за счет классической философии, что вызывает у них досаду. Я рассказывала студентам, как остро переживал недостаток культуры Николай Рубцов и как страстно наверстывал упущенное. Нежный, душевно хрупкий мир Николая Рубцова пленяет моих учеников обычно в период влюбленности. Поэт выглядел простым и открытым, доверчивым и необласканным никем – тогда, в 1970 году, мне казалось, что я понимаю это.

У молодежи полное умопомешательство на гороскопах. Спросили и меня, под какой звездой я родилась? Я ответила, что из всех звезд предпочитаю одну звезду – Вифлеемскую, и повела беседу о смысле Христова жертвоприношения и вероучения. Я объяснила, что Богочеловек Иисус Христос совершил Свой земной подвиг ради того, чтобы кающийся грешник мог избавиться от рабства Сатане, обрести свободу – высший дар Создателя мира. Слово «свобода» было первым и у великого русского мыслителя Достоевского, когда он желал своим корреспондентам в письмах свободы, затем перерождения, которое он именовал воскресением из мертвых через покаяние и обретением новой жизни во Христе, то есть обретение смысла жизни через Богослужение. Служить Богу можно по-разному, кто как может. Просто избегать делать зло – уже есть служение... Я слегка коснулась того, над чем работаю сейчас: вскользь упомянула о создании своей философской системы обо всем этом под названием «ФИЛОСОФИЯ СТРАДАНИЯ И БОЛЕЗНИ» для будущих читателей моего очередного учебника серии «ШКОЛА ГАРМОНИИ». Молодежь зашумела и потребовала от меня еще написать и статью на тему: «ФИЛОСОФИЯ ДУШЕВНОГО КРИЗИСА», но хоть бы с первой задачей справиться. Да и кто финансировать станет мои прожекты?

Возвращаясь к себе на Черный Мост, я припомнила философское учение Николая Федорова о воскрешении

мертвых на Страшном Суде. Жаль, что в советское атеистическое время Николай Рубцов не мог покаяться в своем пьянстве и жить так, как всегда хотелось ему: чисто, благочестиво и аскетично. Он ведь по сути своей ни в коем случае не был гулякой вроде милейшего Анатолия Передреева – волокиты, души компании да озорника. Нет, Рубцов был замкнутее, более одинокий. Мои сокурсники – Анатолий Яковенко прозаик, да поэт Александр Сизов, согласились со мной, когда я однажды сказала им это.

Мои сокурсники иногда заходили ко мне в мою комнату посмотреть на то, как я развлекаюсь неумелым малеванием своих любительских картинок. Я вовсе не нарочно рисовала акварелью так, словно рисовал ребенок. Зато краски на моих картинках отличались яркой выразительностью. Николай Рубцов улыбался, разглядывая мои с позволения сказать «шедевры» наивно-примитивистского стиля живописи. Я сидела на кровати с планшетом, макая кисточку в банку с водой, а затем в краски, а Коля в кресле напротив лакомился единственной конфеткой, предложенной ему к миниатюрной фарфоровой чашечке с дымящимся крепким кофе. Он робко вслух мечтал о собственном жилье, о кофейных чашечках и домашних стенах с такими вот незатейливыми картинками, намазюканными детской рукой. Я давала поэту перелистать репродукции альбома живописцев Рокотова и Боровиковского, и он наслаждался изображенной красотой. Заметно было, как Рубцов тоскует по прекрасному, чистому и вечному. Но здесь, в общежитии гениальных алкоголиков и балагуров, не было того, по чему тосковал поэт. Точнее: почти совсем не было. Я понимала Рубцова в этом отношении и сама старательно изолировалась от коллектива своих молодых коллег, не умевших обходиться без алкоголя и конкурентной, злой болтовни. Я была погружена в свой внутренний мир и позволяла нечасто приятелям из западных советских республик нарушать мою сосредото-

точенность на себе и на тех философских вопросах, которые в юности меня тревожили. Зато уж тогда, когда у меня собиралась пирушка, мои западноевропейские коллеги из Белоруссии, Прибалтики и Молдавии умели распотешить моих гостей. Так, однажды я созвала на украинский пир избранную компанию западноевропейских коллег. Дело было зимой 1969 года по случаю появления у меня в гостях редактора прозаической книги моей матери Михаила Федоровича Мусиенко. Мать поручила мне договориться с редактором ее прозаической книги, ожидавшей перевода в издательстве «Детская литература», о проблемах перевода, и я выбирала искусного переводчика для материнской витиеватой, сложной стилистики. Главное на украинском пире для меня было окружить Михаила Федоровича заботой и веселой компанией. Так и вышло: эстонская литературоведка появилась на балетных пуантах с огромным красным веером и обвеивала Мусиенку. Белорусская критикесса заявила со щенком таксы, подаренным ей самим поэтом Цыбиным, требовавшим от критикессы изучения теософских доктрин мадам Блаватской – ученой русской эмигрантки. Молдавская поэтесса пожаловала на пир вместе со своим дружком – сиамским котенком, подаренным ей знаменитым Солоухиным. На стенах моей студенческой комнаты красовались мои любительские картинки в технике акварели, и ошалевший от девичьего смеха и визга редактор книги моей матери прохаживался по периметру моей кельи с бокалом вина да оглядывал затейливые каляки-маляки. Когда студенческая толпа, набившаяся в мою келью, прикончила голубой графин с вермутом, все были счастливы и подпевали махровому хохлу – добрейшему душе! – Мусиенке, когда тот запел украинскую песню на слова Тараса Шевченко: «Ревэ та стогнэ Днипр широкий...». Тут кто-то заскребся в дверь: конечно же, Рубцов! Ему достался лимонад и пряник. Николай расплылся в редкой на его лице радостной улыбке и тут же получил в объятия щенка и котенка.

Затем Михаил Федорович заговорил о гордом украинском характере, традиционно презиравшем пресмыкательство, раболепство, подхалимское угодничество и всякого рода лакейство. Редактор прозаической книги моей матери Мусиенко обозначил совокупность перечисленных низкопоклонских качеств человеческой натуры, отнюдь не свойственных украинскому характеру, как то самое огорчительное русское холуйство, про которое писатель Чехов говорил, что оно есть РАБСТВО РУССКОЙ НАТУРЫ, рабство, которое русский человек обязан выдавливать из себя вон, как пасту из тюбика.

Рубцов зачесал лысину, крякнул, но согласился. Ведь редактор Мусиенко был намного старше Николая, во-первых, и произносил эти горькие слова с чувством сострадательной любви к великороссам – во-вторых.

Хохол Мусиенко особенно распотешил компанию рассказом про несчастный случай со своим автомобилем. Однажды по неосторожности автоводитель Мусиенко столкнулся с партийной дамой, сидевшей за рулем встречного автомобиля. Дама уцелела, но ее автомобиль разбился, и дело было передано в суд. Надо ж было так случиться, что нечаянно накануне суда Михаил Федорович оказался в одной компании за пиршественным столом с этой самой партийной дамой-чиновницей; он было сконфузился, но затем галантно вышел из неловкого положения. Дамский угодник хохол Мусиенко поцеловал даме ручку и процокал: «Как приятно столкнуться с вами еще раз!»

Все засмеялись. Засмеялся и Рубцов. Редко улыбка озаряла его обычно грустное лицо. Или мне казалось оно грустным?.. Но я вообще не вижу в самой российской действительности поводов для веселья. Или мое первое впечатление от знакомства с Рубцовым врезалось в память уже навсегда? Было это студенкой, снежной весной 1968 года на лестничной площадке общеджития, когда всюду шли разговоры про книгу поэта Николая Рубцова «Звезда полей». Самого Рубцова рань-

ше я никогда не видела, книга «Звезда полей» меня не взволновала. Было мне семнадцать с половиной лет, когда приземистый лысый мужичонка в шапке-ушанке да в неприглядном пальто поздоровался со мной на лестничной площадке общежития и предложил пообщаться за чаем. Он выяснил, что к чаю у меня не было ничего, кроме хлеба. Накануне стипендии все студенты жили так. Увидев такое дело, тридцатилетний мужичонка, представившийся мне просто по имени Николаем, почему-то потребовал у меня хозяйственную сумку, велел одеваться и следовать за ним. Я не смела возражать старшему и оказалась с ним в гастрономе. Тут Николай накупил продуктов, с которыми точно можно было дожидаться стипендии. Но сперва я не поняла, что это он для меня старается, а потом смутилась, начала отказываться: ведь человек совсем незнакомый, с чего это он вдруг? Рубцов объяснил, что он заработал гонорар за книгу «Звезда полей» и рад помочь сейчас, пока у него еще есть деньги. Я была потрясена добротой и сердобольностью этого коренастого лысого мужичонки, а он был абсолютно счастлив оттого, что осчастливил беспомощное юное существо. Для начала нашего знакомства Рубцов попросил меня прочитать свое стихотворение, и я пропела ему речитативом верлибр – «Литавр о пацане, прыгающем через обруч». Мой речитатив довершил чудесное знакомство. На прощание Николай Рубцов произнес: «Будешь помнить Рубцова!»

9 ЯНВАРЯ 1996 года, ПРАГА

Фрида с компанией завели на занятии спор о том, как следует понимать национальную принадлежность человека, и привели в пример грека, родившегося в Англии. Они считали, что гражданство у этого человека должно быть английским, а национальность греческой. Так должно, на взгляд молодежи, дело пониматься и в России. Но тому греку в полиции предложили записать

в паспорт «англичанин» из-за места его рождения. Грек возмутился и возразил: «Если моя собака ощенилась в конюшне, разве полиция должна считать щенков жеребятами?» Тут Равиль ухмыльнулся и брякнул, что он родился в поезде. Что же, теперь его национальность будет железнодорожной?

Я утихомирила спорщиков и призвала заняться рассмотрением предмета Гармонии. Итак, без высшего смысла жизни – без базирования на христианском вероучении – трудно да и сомнительно выживать в экстремальных ситуациях, – продолжала я преподавательский курс. Христианское вероучение признавали высшим смыслом жизни величайшие авторитеты человеческой цивилизации – такие, как, например, французский философ и математик Паскаль. До августовских встреч 1981 года на Филях я не интересовалась Блэзом Паскалем. Интерес к нему привил мне в августовскую пору Юрий Кузнецов. А усилил этот интерес обожаемый мною философ Бердяев, ценивший Паскаля. Мне пришлось говорить о Паскале в связи с аскетизмом, пропагандируемым моею «Школой Гармонии». Ученый утверждал, что материальные блага являются цепями, наручниками, оковами для человека, что стремление к материальному благу есть иллюзорное стремление, ведущее к рабству. И вот миновало четыре столетия после Паскаля, и теперь мы можем убедиться в правоте его гениального прозрения насчет материальных благ, к которым стремилась коммунистическая ересь...

Великий немецкий поэт-философ Гёте в своем «Фаусте» свидетельствовал о ненасытности материальных благ, об иллюзорности стремления к ним и абсолютной недостижимости насыщения ими. Гёте учил об этом за два столетия до коммунизма, но ему никто не поверил.

Я сослалась и на незыблемый авторитет западноевропейского отца церкви религиозного философа Августина, который доказывал, что человеческое сердце устроено так, что не имеет покоя ни в чем, кроме Бога.

Мудрый Августин призывал не ставить губительные эксперименты на проверке этого тезиса, но русский народ поставил...

В последний час жизни астронома Кеплера у постели умирающего его спросил кто-то из друзей о том, на что надеется Кеплер в эти минуты? Выдающийся астроном пребывал в ясном сознании и в присутствии католического священника сказал, что надеется он на Бога Иисуса Христа, надеется на прощение земных грехов Кеплеру и на предоставление посмертного убежища невдалеке от местожительства Христова. Когда такие мысли излагает человек на смертном одре – это значит больше, чем с трибуны. Слова перед ликом смерти – это слова в экстремальной ситуации, тут не слукавишь...

Философ Кант не мог обрести утешения в философии — высшей из материальных наук, но обожал раскачиваться в плетеной садовой качалке под чтение стихотворной Псалтыри. Вот уж с кем трудно спорить – так это с гениальным Кантом!..

А как много значит для нас сегодня пример судьбы итальянского астронома Галилея! Чуть не полтыщи лет назад Галилей провозглашал аксиомой действие Святого Духа в повседневной реальности и абсолютную несомненность участия Духа Святого в нашей жизни, то есть участие Бога... И вот теперь мировые ученые доказывают происхождение мира не божественным путем, а материалистически – путем взрыва. По поводу такого представления о происхождении мира можно сказать то, что сказал знаменитый биолог Эдвин Конклин: «Гипотезу о происхождении жизни на земле путем взрыва можно сравнить с гипотезой о том, что, к примеру, словарь родного языка произошел путем взрыва в типографии»...

Итак, незыблемой базой, на которой должен стоять человек, должна быть философская база, основанная на христианском вероучении, которое подтверждено авторитетами. На этой философской базе и строится Стратегическая Гармония.

Я закончила лекции да встретила с мужем на Староместской площади у памятника. Муж, завершивший проведение пресс-конференции в «Шкоде», выглядел усталым, но все равно пошел со мною слушать филармоническое исполнение музыки Моцарта. Австриец по происхождению композитор Моцарт обожал Прагу, а пражане обожали его. Австрийский гений, увы, при жизни был отвергнут Родиной, зато целыми месяцами наслаждался чистотой, вежливостью и совершенством Чехии. Пять раз Моцарт посещал Богемию, подолгу жил в Праге где посещал Национальную библиотеку и истоптал каждый камень древней брусчатки в композиторских прогулках ради поиска свежих мелодий. Моцарт был удивительно мелодичен – до сентиментальности!.. Помнится, в юности ко мне послушать Моцарта приходил Николай Рубцов. Я включала проигрыватель, ставила «Пražскую симфонию», и Коля неоднократно просил перевернуть грампластинку да поставить сначала... Для Моцарта Прага являлась городом его творческого комфорта, городом моцартовского счастья: ведь чехи высоко ценили гениальность австрийского композитора и создавали для него атмосферу человеческой любви, радости и ликования, способствовавшую творчеству. В Праге моцартовская опера «Свадьба Фигаро» имела грандиозный успех, а в родной Вене почти не имела. Когда Моцарт, не доживший даже до сорокалетия из-за своего композиторства, сжегшего его в тридцать лет с небольшим, умер в родной Австрии, то родина Моцарта не нашла для нищего композитора даже отдельной могилы. Зато чехи пережили смерть Моцарта как гибель лучшей части народного сердца Чехии: они изготовили символический гроб с символическим телом божественного композитора, зажгли 1200 факелов, и такая траурная процессия обошла всю Прагу. Умер Моцарт – часть самой Чехии!.. Но Родина осталась равнодушной к своему соплеменнику и реально похоронила его в общей могиле: по дешевке – да и такую бедной была вдова

австрийского гения. Я рассказала судьбу Моцарта моему гостю Николаю Рубцову, он закрыл лицо руками и слушал «Пражскую симфонию», долго-долго не открывая лица.

2 МАРТА 1996 года, ПРАГА

Сегодня я получила в подарок от слушателей букетик подснежников: просто по случаю наступления весны. В России в эту пору самые метели... Как скучно вне России, очень хочется скорей вернуться. Но к кому? Кто там скучает по мне?.. Да просто к родной деревенской церквушке; батюшка обо мне, конечно, молится... Может, и еще кто-нибудь... Жених Фриды на лекции прицепился к моему слову, переврал мою речь и обвинил (опять-таки меня!) в нежелании русского этноса при жизни уважать своих выдающихся личностей, в отказе уважать национальных русских учителей и подвижников. И началось! Загалдели, завякали, что, мол, русский этнос любит и уважает только мертвых выдающихся личностей, учителей и подвижников, а живых ни в грош не ценит. Вот так именно произошло с Рубцовым. Это они мне-то про Рубцова преподают!.. Однако что преподают? То, что сей несчастный отпрыск своей нации при жизни был бездомным бомжом, не имевшим собственного угла, скитался, часто не имел денег на пропитание. А стоило поэту умереть, как у него несколько сотен верных друзей оказалось. Где ж они раньше были – те верные? Почему позволили бездомному и голодному поэту скитаться?.. Фрида с компанией доказывает трудолюбивое некрофильство русского этноса, любовь к мертвецам... Каково мне слушать это? И особенно притом, что я-то знала Рубцова и сильно не желала бы вписываться в то число друзей, которые появились у несчастного после смерти.

Помнится, Рубцов одобрительно отзывался о стихах землячки своей – поэтессы Ольги Фокиной, называл их подснежниками в своей беседе с Петей Пиницей,

когда мы втроем собрались однажды солнечным весенним полднем в моей останкинской комнате за голубым графинчиком итальянского вермута. Каждому я поставила на крохотный жостовский подносик голубую прозрачную, как и графинчик, рюмку, примостила каждому по миниатюрной чашечке с кофеем. Вот, пожалуй, и все, чем мы угощались за круглым дубовым столом в комнате общежития. В центре стола высилась глиняная ваза с ветвями цветущих яблонь. У меня не было заведено пьянствовать, поэтому мы втроем за полгода примерно до гибели Коли просто в тишине да каком-то взаимном удовольствии от нашего взаимопонимания рассуждали о поэзии, о любви к России, читали свои стихи. Коля любил, когда я распевала свои литавры. Но чаще он предпочитал сидеть со мной наедине холодными осенними или зимними вечерами за чаем безо всякого вина. Он просто отдыхал в покое со мной, потому что я никогда не спорила с ним, а позволяла по западноевропейскому своему обыкновению любому человеку иметь свое суждение по любому поводу независимо оттого, нравится оно мне или не нравится. Стихи Рубцова казались мне холодноватыми, за исключением немногих, в том числе и маленькой поэмы про клюкву на болоте, про девочку, качавшуюся на качелях, и любовь поэта к своей горемычной Родине. Мне, воспитанной в буйстве ярких красок малороссийской культуры, в творчестве Николая Рубцова не хватало пылкости, темперамента, разнообразия. Но нежность стихов «Девочка пепа в церковном хоре» поразила меня, я искренне восхитилась, кажется, при Пете Пинице, и Коля переспросил: «Неужели понравилось?» Похвалы ему произносили все, кроме меня. Это объяснялось тем, что я происходила из писательской семьи, а потому была искушена в поэзии более других – неискушенных сверстников. Моя привычка детально анализировать литературный текст прежде окончательного суждения либо

прежде всплеска эмоций нравилась Рубцову. Рубцов замечал мое критическое отношение и поэтому ценил именно мои похвалы. Я еще не умела дорожить этим обстоятельством, потому что была юна.

Меня очень удивляло, почему Коля так пренебрежительно относится к творчеству комсомольской поэтессы Сталины – своей землячки из Вологды, почему он столь яростно враждует с Химеровым – бывшем, кстати, и моим врагом? Я не разделяла всеобщего кумирства Николая Рубцова, но просто позволяла ему прийти даже в усмерть пьяным ко мне, сесть на пол в угол, спрятаться от погони пьяных собутыльников, натянуть на физиономию берет и спать в полном покое до протрезвления. Помнится, такой случай сильно возмутил мою киевскую приятельницу Ирину Кашину, ставшую тому свидетельницей. Она почувствовала себя едва ли не оскорбленной оттого, что я впустила его и Рубцов пристроился спать на корточках в углу возле стола. Я объяснила Ире, что дать страждущему человеку покой мне ничего не стоит, а нам его дрема ничуть не мешает рисовать на двери моей общежитской комнаты затейливый рисунок. Помнится, Кашина очень талантливо нарисовала гуашью на фоне белой двери зеленый сад с бабочками, видимый через витиеватую решетку. Когда Коля проснулся уже протрезвевшим, он принес извинения и благодарность нам за то, что мы его приютили, и сильно удивился нарисованной на двери садовой калитке: рисунок ему понравился. В общежитии же наконец уgomонились собутыльники, жаждавшие избить Рубцова, и Мирослава Тетерючка долго еще ухмылялась по поводу похвал, расточаемых Рубцовым в адрес вологодской поэтессы Ольги Фокиной. Нам и впрямь казалось смешным ее стихотворение про колхозницу, которая под подушкой хранит лелеемый портрет Владимира Ильича Ленина. Вот не знала я, над кем смеялась! Эта самая провинциальная прима Фокина с позиции неистовой своей любви к Ленину смешала вскоре с

грязью земли мою рукопись в советском издательстве «Современник». Ну, так что же, поделом! Незачем было мне встревать в дружный строй певцов коммунизма и баламутить его! Вот Коля принадлежал к нему только как компаньон по алкогольным возлияниям, сам же изнутри этот бедный сирота был очень чист и деликатен, обходил политику стороной.

Мне часто сетовал Николай Рубцов за нашим скромным чаем на нехватку культуры в его собственном творчестве: право же, я не знала, что сказать ему на это. Я не замечала тогда нехватки, на которую он мне сетовал. Наши разговоры происходили обыкновенно в вечерней тишине вполголоса, и мне приятно сейчас вспоминать о том, что в моем обществе Коля всегда обретал душевное умиротворение. Я отличалась нетерпимым характером к волокитам, хамам да и просто к алкоголикам. Поэтому даже мне самой удивительно, что нашел во мне Коля при его любви к подснежникам пресловутой Ольги Фокиной? Никакой простоты, ничего деревенского и примитивного не содержали мои заушные, мои абстрактные да к тому же и нерифмованные стихи. Некоторые мои так называемые литавры изумляли Рубцова, но я была столь преисполнена гордости, юношеского самолюбования и обольщения, а также чувства собственного превосходства над всеми поэтессами, что единственный памятный мне случай коленопреклонения и восхищения Рубцова моим литавром о пацане, прыгающем через обруч, меня нисколько не тронул. Помнится, Виктор Коротаев изумлялся моим равнодушным и наивным юношеским эгоцентризмом.

Если бы знать, куда делись мои записи о Рубцове?!. Неужели я бросила вместе со своими стихами в огонь даже их?.. Припоминаю, как однажды играла я в шахматы с любителем, учившимся на Высших Литературных Курсах, и обыгрывала его, когда вломился в комнату Рубцов. Мы попросили Николая подождать конца партии. Мой шахматный партнер играл слабее меня,

тренированной в шахматах, поскольку я была чемпионкой Киева среди школьниц, но дальнейшую шахматную карьеру не рискнула делать из-за необходимости поступать на учебу в Москву и обретать профессию. Мой шахматный партнер обрадовался поводу отказаться от дальнейшей игры из-за прихода гостя, мы партию отложили и сели за чайный стол, задвинутый в самый угол комнаты. Разговор коснулся разницы в отношении к человеку до Великой Октябрьской революции и после нее. Коля сказал, что до Великой Октябрьской Социалистической революции 1917 года в России существовало понятие ДУХОВНОГО ИЗМЕРЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ. А вот в СССР уже такое измерение отсутствует вместе с понятием о Духе. Присутствует лишь Материя. Мы тужились над осмыслением того, что такое ДУХОВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ, но так ни к какому общему выводу и не пришли. Зато в тот шахматный вечерок договорились мы до того, что, как нам казалось, человеческая судьба представляет собою горькое чистительное лекарство для души. Мой шахматный партнер предположил, что, возможно, если вдруг Бог существует, Сам Бог прописывает каждому человеку горькую дозу касторки – горькую судьбу: кому сколько требуется. Помнится, что Рубцову сильно не понравилось рассуждение шахматиста и сравнение судьбы с касторкой (мой шахматный партнер был драматургом), и Коля в шутку схватил моего ферзя и «убил» короля незадачливого шахматиста.

11 МАРТА 1996 года, ПРАГА

Русское труполобие с поклонением великим людям только после их смерти я объяснила своим слушателям как детское, инфантильное состояние национального сознания, которое строго управляется православными догмами и не позволяет отступить ни на шаг влево или вправо – такова была точка зрения философа Бердяева. Я выразила надежду, что, когда общенарод-

ное сознание вызреет до взрослого состояния интеллекта и заменится той логической расчетливостью, которая так поражает нас на Западе, наш народ научится думать впрок, прогнозировать, просчитывать наперед шахматные ходы партнеров не хуже чешских лис. Во всяком случае среди великороссов гораздо больше подвижников, чем среди любого другого народа.

Заговорив о подвижниках, я напomniaла случай полувековой давности с арабским мальчуганом, заблудившимся в горах, которые подступали к Мертвому морю. Блуждая среди голых скал у Кумранских развалин, мальчик юркнул в узкое отверстие, чтобы укрыться там от ветра. Вдруг он нащупал в своем гнездовье множество кувшинов. Когда взрослые нашли ребенка, они заинтересовались содержимым запечатанных кувшинов. Но отнюдь не вино и не коньяк оказались в тех древних кувшинах! Свернутые трубками кожаные рукописи хранились в кумранских кувшинах со свидетельствами истории миновавшей эпохи. Эти рукописи и есть подвижничество! Это и есть сверхидея существования. Подвижниками являлись святые оптинские старцы, святой Серафим Саровский, святой Иоанн Кронштадский, святая Ксения Петербургская, блаженная Матрона Московская, совета у которой спрашивал сам Сталин... Так что недолго национальное сознание великороссов будет плесневеть в детском инфантилизме, оно очнется... Главное признать, что зеркало не виновато, если тебе не нравится собственное отражение, что отнюдь не нужно растаптывать за дурное отражение зеркало туфлями. То есть не надо бояться критики.

Зрелость сознания проявляется тогда, когда народ изыскивает пользу в критике. Мы этому скоро научимся!

Сейчас я читаю авторский цикл лекций ШКОЛЫ ГАРМОНИИ под тематическим заголовком: «Наставник моей юности» о кандидате филологических наук С.Б.Серебрякове из Тбилисского института литературы имени Шота

Руставели. Я записываю этот цикл в форме научно-популярного жанра эссе с художественными вкраплениями. Только в такой полуигровой форме можно увлечь слушателей непростыми лекциями. Вот перечень некоторых:

1. Филологическое исследование доцента Серебрякова не переведенных на русский язык арабских текстов Авиценны (Ибн Сины) по философии.
2. Магизм в творчестве Шота Руставели.
3. Афоризмы Гиппократы.
4. Мережковский.
5. Фрейд.
6. Старо-Киевская академия поэзии.
7. Царско-режимный русский педагог-реформатор Ушинский.
8. Философ Лосев и грузинский неоплатонизм в понимании С. Б. Серебрякова.
9. Владимир Соловьев и футурология.
10. Белинский и растерзанный им Гоголь.
11. Старорусский поэт Батюшков и оплакиваемый им Тассо Торквато.
12. Иоанн Богослов и его «Апокалипсис».

Мой опыт СИНТЕЗА современной эстетики, философии, психологии, теологии, культуроведения, педагогики с навыками здорового образа жизни требует напряженной библиотечной работы. А в Славянской библиотеке Праги так мало того, что я ищу!

Сегодня от досады побрела по окраинам и разговорила на базаре Панкраца с миловидной пожилой чешской пани. Она рассказала мне случай с чешским алкоголизмом. Однажды в пивной один чех напился крепким чешским пивом. Сильно качаясь, чех доволочся до своего собственного частного дома, охраняемого псом. Разгневанная хозяйка – молодая пани – отцепила кобеля, сняла с пса ошейник, нацепила на пьяного мужа, замкнула ошейник на замок ключом и посадила мужа

на цепь, обвитую вокруг бетонного столба. Протрезвевший к утру пан Гыжка пытался отомкнуть гвоздем амбарный замок, который крепил цепь к заборному столбу из бетона, но безрезультатно. Бедняга сидел на цепи, как собака!.. Никакие мольбы, ругательства и увещевания не поколебали решимость его супруги пани Гыжки покончить с пьянством мужа. Она наливала в собачью миску воды для мужа и раз в день швыряла ему на землю хлеб. Так прошло трое суток казни, учиненной женой над мужем-алкоголиком. На четвертые сутки пан Гыжка поклялся, что бросит пить. Только теперь жена спустила мужа с цепи и предоставила ему свободу. И в самом деле, с той поры пан Гыжка сделался убежденным трезвенником.

16 МАРТА 1996 года, ПРАГА

Снега нет, цветет алыча, но холодно. Чехия готовится к Пасхе, которую отмечает как праздник курицы и яйца. Петух тоже участвует в Пасхе. Нигде не могу купить поздравительную открытку с образом Иисуса Христа. Жители Праги расценивают мой религиозный интерес к поиску религиозных открыток как принадлежность к украинской нации, потому что граждане России (среди которых, кстати сказать, нет почти совсем этнических русских) отнюдь не гонятся за церковными сувенирами. Ну, разумеется, и нюхом чехи чуют во мне украинское воспитание, корректный стиль поведения – именно европейский, у граждан России стиль поведения более сдержанный и бесцеремонный. Правда, какая-то русская компания купила в окрестностях Праги пару семейных особняков да половину озера на две семьи, но с высот ихнего денежного превосходства мы с мужем – русская интеллигенция – им мало интересны.

Мне казалось, что моя философская система ШКОЛЫ ГАРМОНИИ является миротворческой базой для граждан России за рубежом и способна положить конец разрозненности, которая срамит нашу Родину за

границей, но каждый знакомец из России уже отверг мое намерение объединить русских в мирную диаспору. Никто из граждан России не ищет мира со своими соотечественниками, никто не объединяется иначе, нежели по деловому принципу в какое-то подобие мафиозных группировок. И я со своими лекциями о человеколюбии и гуманизме произвожу на моих соотечественников разочаровывающее впечатление. Правда, всем интересна история России, история русской культуры, которая входит в мою Гармонию. Хотя бы это утешительно.

Однажды приходил на Пасху к нам с Ольгой в наш студенческий кубрик Николай Рубцов христосоваться, приносил пару крашенок да кулич. Я одарила Колю самодельными цветочками из бумаги, прицепленными к голой ветке яблони. Поэт повествовал нам про Чесменский бой, про Цусиму, мы развеселились, потому что никто из нас троих еще не понимал религиозного смысла Пасхи. Оля запела «Яблочко», Рубцов подпел ей, а я сплясала. Об этом свидетельствует мимолетная запись в записной книжке 1976 года: скупые строчки почти по свежим следам – запись сделана 30 января 1976 года в писательском доме творчества «Внуково», когда там директорствовал Юдахин. Тогда я очень боялась забвения памяти Николая Рубцова и набросала кое-какие штрихи к литературному портрету дорогого мне человека. Это запись о моей последней встрече с Рубцовым опять-таки в моей келье весной 1970 года. Кажется, был конец мая. Повсюду в Останкине цвели яблоневые сады, благоухала оживавшая городская природа – чахлая, пыльная. Окна моей юго-восточной комнаты № 118 были распахнуты настежь, и можно было любоваться кружением да визгом стрижей. Столько радости свистело в мире вместе со стрижами, столько солнечно-го тепла и света!.. Тут вновь ко мне пришли три друга: Рубцов, Христофоров и Пиница. Они были уже навеселе, выставили на стол опять-таки ароматный итальянс-

кий вермут (единственный алкогольный напиток, признаваемый мною), который я должна была для них непременно перелить в прозрачный голубой графинчик из стекла и выставить такие же рюмочки. Мы выпили вермута – сладкого, пахнущего травами и пряностями. Коля держал в горсти яблоневый цвет, взятый из моей настольной вазы. Я всегда буду помнить, как не смел Коля идохнуть на хрупкие эти цветы яблоньки. Начались литературные разговоры, в которых я не изволила участвовать, а слушала на отстранении. Христофоров и Пиница доказывали Рубцову, что его стихи многого стоят, он сомневался или же кивал головой как-то так, как кивают люди, которых ничто более не обескуражит и не тронет, да все держал в ладонях студенческую яблоневую веточку – последнюю в его жизни.

17 МАРТА 1996 года, ПРАГА

Сегодня на лекции по Практической Гармонии я толковала о талантливости русского этноса на примере рассказа Лескова «Левша». Космополитская компания эмигрантов на мой тезис ответила, что талантливость великороссов уничтожается русским алкоголизмом (привели пример творчества Николая Рубцова) и русским самоедством [привели пример с кинофильмом «Андрей Рублев» Тарковского, где звучит мысль о том, что русские – это Иуды (предатели)]. Трудно искать оправдания тем преступлениям, которые происходили в России в XX, уже уходящем столетии, трудно объяснять предательство страхом за жизнь. Трудно без конца отбеливать грехи моего народа и отвечать критикам: сами-то вы кто такие? И все время меня атакуют все представители всех государств и народов, с которыми сталкивает жизнь, все упрекают в ИСТОРИЧЕСКОЙ ВИНЕ РУССКИХ против восточноевропейских народов. Вот я и думаю, что прав был русский император полторы сотни лет назад, когда заявил, что нет у Русской

Империи друзей нигде на земле, кроме своей собственной русской армии и собственного флота... Что же до Рубцова, пришлось объяснить, что несчастный этот скиталец вырос в детском доме – удивительно ли то, что выходец детдома страдал слабохарактерностью, которая обрекла его на психофизиологическую зависимость от алкоголя, на заболевание алкоголизмом?.. Был он добрым и мягким человеком, нежным и честным, искренним и преданным. Если бы не эта разновидность наркомании (заболевание алкоголизмом), то Рубцов достиг бы творческой высоты Есенина, возможно. Однако и уровень русского народного поэта Кольцова, достигнутый Рубцовым, вполне замечательный. Грех пьянства – смертный грех – погубил большинство мужского русского населения, и вот наши женщины кидаются в объятия трезвых мужчин других национальностей. А виной всему искусственно поддерживаемое русское пьянство, существующее из-за неорганизованности досуга, которое было экономическим стимулятором советской власти. Взять, к примеру болгарских мужчин – они проводят досуг в сладкарницах за чаем, кофею, орехами и пирожными. Никакого пьянства!.. И еще возражала я моим критикам новостью, которую слышала от Николая Рубцова, новостью про абсолютную гениальность русского этноса: ведь мать Леонардо да Винчи была этнической русской женщиной по имени Екатерина. Так что не все у нас утонуло в водке, и мы еще перейдем полезный обычай наших умных соседей-болгаров: обычай трезвости! Да и в конце концов я разошлась оттого, что ученики предъявляют претензии мертвому поэту. Я распалилась в гневе, хлопнула по ветхой книге «Музыкальная Гармония» ладонью, и из композиторского учебника полетела пыль. Разговор каким-то образом соскочился – соскользнул с одной темы и перепрыгнул на смежную, как часто происходит в молодежных аудиториях.

Пришлось даже прибегнуть к имени Пастернака, который в тисках политического давления советской идеологии на литературу не мог сохранить свой талант иначе, как с восхвалением имени Сталина. Зато народный поэт Николай Рубцов избежал фальши, и рубцовский родник чистой, искренней поэзии остался незамутненным, — провозгласила я.

Покинув лекционную аудиторию, долго отдыхивалась я от собственной горячности, которой так симпатизировал Коля! А мне нравился он больше всего в тельняшке. Носил тельняшку и Юрий Кузнецов, но мы с Николаем не шли на сближение с высокомерным и самодовольным Юрием — не общались вовсе, хотя находились совсем близко к нему в конце шестидесятых годов. После гибели Николая через десятилетие произошло сближение мое с Юрием Кузнецовым, но это наше сближение носило иной характер и даже отчасти сделалось трагическим для нас обоих. Такими разными были мы трое. Быть может, наше различие абсолютно во всем и притягивало нас друг к другу, вопреки отталкиванию?.. И Юрию Кузнецову, и Николаю Рубцову алкогольные компании в некотором смысле облегчали существование в политических тисках литературы соцреализма. Мне же, чуравшейся стадного коллективизма с его алкогольным пустобрехством студенческого общежития, ничто не облегчало существования в идеологических тисках советской литературы. В отрыве от указующего пальца вожака литературной стаи в студенческом общежитии Бориса Химерова я мало-помалу делалась изгоем — опальной поэтессой, и так ею и осталась навсегда. Приспешники Химерова, избивавшие Рубцова, устраивали мне коллективные репрессии, включавшие в себя клевету ради воспрепятствования существованию в литературе сильной конкурентки. Неужели же от такой нечестной игры что-либо выиграла наша литература, которую я оставила на много лет, выехав за рубеж?

Могучая коррупция военнообязанных советских поэтов вкупе с критиками совместно трудилась над устранением из русской литературы даже моего имени. Но за рубежом мое имя, подобно моцартовскому, неожиданно для меня обрело всеобщую любовь и поддержку. Так что, пожалуй, русская литература действительно выиграла оттого, что я перестала вариться в общей консервной банке с коллегами и здесь, в моцартовской Праге, занялась усиленным развитием своей писательской уникальности. Этому способствует даже чешское телевидение: деликатное, вежливое, заботящееся о человеке. Особенно я люблю смотреть чешский прогноз погоды с паном метеорологом, который утешает чехов по поводу штормового ветра с гор и затяжного ливня:

– Дамы и господа, – улыбается с телеэкрана изящный интеллигентный пан метеоролог, – в эту мрачную погоду я желаю вам больше душевного света! И больше любви!

Пан метеоролог прикладывает руку к сердцу и ласково произносит: «Желаю всем телезрителям солнца в душе!»

19 МАРТА 1996 года, ПРАГА

В мой авторский курс Гармонии входит обучение тому, что такое ВОЛЯ, ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЕ, так как, по словам психиатра Кашлировского, работающего сейчас в Карловых Варах, у всех гомосоветикусов воля разрушена, сломлена либо ослаблена до безволия.

Существует, конечно, и воля изуродованная – капризная; сегодня я говорила об этом пороке, присущем истероидным лицам, но русским это мало свойственно. Я объясняла, что не случайно православная церковь объявила постными днями среду и пятницу: они разгружают кишечник и – самое ценное! – укрепляют волю, ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЕ, учат православных русских людей жить по принципу: «Сказано – сделано». Ныне забыта умная народная поговорка: «Не дав-

ши слово – крепись, а давши слово – держись!». Итак, я призвала православных своих вольнослушателей каждого дать себе слово поститься в среду и пятницу, а также в постные периоды для лучшего владения собой. Заодно пришлось повторить тугодумам различие между двумя ветвями моего авторского учения о Гармонии, квалифицируемого в Европе как ФИЛОСОФСКАЯ СИСТЕМА. Первая ветвь Гармонии у меня именуется Стратегической (то есть преобразующей). А вторая ветвь Гармонии именуется как Практическая (то есть прикладная).

Сегодня я продиктовала юношам и девушкам учение о пяти универсальных принципах гармонии, как я себе их представляю на заре моего философского поприща:

1. Принцип Богопознания.
2. Принцип согласия с судьбой.
3. Принцип аскезы.
4. Принцип богослужения через самопожертвенную любовь к Создателю мира и через альтруизм.
5. Принцип солидарности.

После окончания лекций я удалилась от коллектива и побрела пешком, чтобы отдохнуть во время ходьбы. Я вздыхала о том, что сама я не слишком-то солидаризуюсь с людьми при всем моем человеколюбию ради Господа Иисуса Христа. Недавно в Праге корреспондент Пражского филиала радиостанции «Свобода» доказывал мне, что я никогда не училась в Литературном институте, поскольку меня нет ни на какой фотографии институтских выпускников. Я была шокирована и ушла, ничего не отвечая. Да, в 1972 году я отказалась праздновать выпускной бал с однокурсниками, с которыми не сумела солидаризоваться.

Я двигалась по Ксаверову одна, переживая и другие личные думы: мать по телефонному звонку из Киева пожаловалась мне на то, что ее, семидесятилетнюю старицу, подобрали на тротуаре люди лежащей без сознания в луже крови. Неизвестный хули-

ган разбил старухе голову кастетом. За что, если эта маленькая женщина всех боится в наступившую смуту? Ее отвезли в больницу, наложили швы на голову, и она вернулась с мыслью о мести украинских националистов за пропаганду русских идей: эта украинская поэтесса, моя мать, осмелилась предлагать переводы стихов Николая Рубцова в украинские журналы для публикации в то время, когда сам Пушкин объявлен вне закона! Самого Гоголя переводят на украинский язык потому, что очень некрасиво быть украинцем и писать по-русски да на отличном русском языке, хотя повсеместно уже и вытесненном сегодня газетно-канцелярским... Причем сумка моей матери с полученной пенсией, ключами и золотой перстень на руке остались нетронутыми. Старая женщина считает разбойное нападение на нее сзади политической местью.

20 МАРТА 1996 года, ПРАГА

После бурного общего разговора на лекции по Гармонии о воспитании характера и о возможности работы над судьбой беседа плавно сползла к «Педагогической поэме» Макаренко, к коммунистической эпохе, которую никто из нас еще не в состоянии ни забыть, ни избыть. Ученики оплевывали сочинение педагога Макаренко особенно за недостаточную художественность стиля. «Не боги обжигают горшки! – воскликнула узбечка по имени Изумруд. – Я тоже так писать умею! У меня отличный американский компьютер: раз-два – и готово!»

Мне пришлось дополнить фразу, с которой начала компьютерная писательница: «Да, не боги обжигают горшки, а простые смертные ремесленники».

Отсюда мы перешли к теме конкурентной зависти и ко вреду, производимому завистью. Я выразила сожаление в том, что литературный процесс превратился в забаву, в коллективное развлечение и в средство против бытовой скуки, в способ бахвальства. Стадный инстинкт коллективизма опошил высокое назначение ли-

тератора, превратил литературу в словесный понос (собственно, это и есть графомания – психическое расстройство), а встречу любителей литературы в ТОК-ШОУ, или пустобрехство. Иными словами – в демагогию, развращающую душу. А должно быть наоборот: литература должна совершенствовать человеческую личность.

2 АПРЕЛЯ 1996 года, ПРАГА

Мои слушатели вспоминали сегодня про свое высшее советское образование, именуя его верхним за то, что их учили многим напрасным предметам, например: истории КПСС, политической экономии, марксистско-ленинской философии, основам научного коммунизма, марксистско-ленинской эстетике, гражданской обороне и научному атеизму. Минимум гуманитарных знаний при такой политической заполненности мозгов, конечно, нуждается в пополнении моим авторским курсом Гармонии – наконец они оценили значимость моего культурно-воспитательного учения. Поэтому разговор мирно перетек к идее последних дней перед концом света. Я повторила суждение апостола Павла, предрекавшего, что признаки последних дней перед концом света будут определяться по эгоизму (себялюбию), по алчности, по гордости (хвастливости) человечества, наступит распад христианской морали и низведение до нуля христианских авторитетов, бессовестность и бесстыжесть сделаются нормой взаимоотношений. Я напоминала слушателям о том, что гибель всех мощных древних цивилизаций наступила как результат нравственного падения. Итак, мы при начале конца света, вот он таков. Чего же нам роптать, что безработица пригнала нас так далеко от Родины?..

Помнится, с Вадимом Дементьевым болтали когда-то про конец света, когда по моей просьбе он провожал меня от редакции газеты «Литературная Россия» до метро «Новослободская» через Садовое кольцо, улицу Делегатскую с дворцовым сквериком по старинным

московским улочкам мимо церквушки, где тайком я молилась в свои комсомольские годы Богу об избавлении меня от ревности моего первого мужа. Вот и сейчас просила Вадика извинить меня за непристойное желание непременно обнять меня понеприличнее, потому что нельзя было выйти из здания газеты: после развода ревнивец караулил меня для восстановления брачных отношений. Вадик крикнул от неловкости, ведь я до глубины души возмутила его, приобнял кой-как, чтоб не лишиться моего расположения, и провел до метро. Был, кажется, 1977 год, и от смущения в такой дурацкой ситуации я говорила о конце света... По счастью Вадим Дементьев отличался благородным характером, деликатностью и умом, поэтому он не осудил меня за неприличную просьбу и спас от ревнивого преследователя. Вадим выглядел богатырем против человека, которого я избегала. Волнистые русые волосы, богатырское телосложение, красивое лицо и воркующий, всегда добрый его голос пленяли девушек и молодых женщин. Я же после моральной травмы от развода еще не была в состоянии интересоваться мужчинами и впоследствии долго стеснялась попадаться Вадиму в редакции на глаза, укоряя себя в неприличности просьбы. Но Вадик при первой же встрече сделал вид, что не помнит такого случая, который ронял мою женскую честь и достоинство, поэтому наши доверительные товарищеские отношения восстановились.

Когда я переселилась в комнату коммунальной квартиры на метро «Багратионовская» вдали от покинутого ревнивца, Вадим Дементьев помогал мне зарабатывать деньги на пропитание литературным трудом: давал стихи поэтов Северного Кавказа, Башкирии, Удмуртии на перевод. Благодаря ему я не погибла с голоду. Могу ли я сегодня не быть благодарной другу моей юности Вадиму Дементьеву? Я очень признательна ему, но мы поссорились так глупо, и я не вижу его десяток лет...

А между тем, мы с удовольствием беседовали о Николае Рубцове и о рубцовском творчестве, которое Вадим тонко чувствовал и понимал лучше меня.

Отец Вадима – знаменитый литературный критик – поддерживал тульскую поэтессу Ольгу Вахмистрову, мою главную подругу студенческой юности. Вахмистрова происходила из русских дворян и была весьма разборчива в вопросе о том, с кем общаться и дружить. Любил ее очень сильно грузинский литературный критик Михаил Радмадзе, но она отказалась ехать в Грузию и становиться грузинкой. Так они и расстались. Михаил Радмадзе водил Ольгу в Большой театр на все спектакли; меня брали впридачу. Наша дружба поражала окружающих своей бескорыстностью и отсутствием женской конкурентности. Потом Оля уехала в Казахстан и исчезла... Я бывала на литературных семинарах Валерия Деметьева, когда обсуждали поэзию Ольги Вахмистровой, заочницы, поэтому папа Вадика Деметьева знал меня. Вместе с Ольгой потчевали чаями мы Николая Рубцова, который предпочитал уединенные беседы со мной, поскольку душа его приходила от них в состояние гармонии, как мне теперь кажется. Вечно всклокоченный, встревоженный или унывающий, он приходил ко мне даже очень поздними вечерами, и наши общие беседы на общие темы успокаивали его. Это лишь теперь я могу осознать – после того, как создала свою Школу Гармонии – специально для русских: вечно всклокоченных, вечно встревоженных, вечно унывающих...

Никто лучше прозаика Владимира Личутина, на мой взгляд, не воссоздал образ поэта Николая Рубцова – реалистично, точно, правдиво до малейшей черточки. Особенно соответствует истине подмеченное Личутиным свойство бездомного поэта – выглядеть неприкаянным неудачником. А как мог чувствовать себя бездомный?.. Мне нравится, когда я слышу от Личутина определение Николая Рубцова как СТРАННИКА – это абсолютно точно. А главное – это так характерно для русской нацио-

нальной поэзии с ее каликами переходными – умильными и блаженными. В этот ряд я поставила бы Рубцова – к блаженным да умильным каликам. Если Владимир Личутин находит в образе поэта светлую грусть, трудно не согласиться: да, тихий голос, мерная речь, светлая грусть, а ещё лысина, постоянно конфузившая застенчивого и нежного, как ребенок, Рубцова... Внезапность его появлений, подмеченная Личутиным, – опять-таки характерная черта личности поэта. Бывало, у меня свидание ожидается, а тут Рубцов, и свидание сорвалось: никуда уже я не могу уйти, потому что ему одиноко. И с какой любовью Личутин прозывает Николая КУКУШОНКОМ – это мало кто прочувствует!

Николай Рубцов ощущал какое-то тайное родство его души с моею, тоже огорченное сиротством при живых, но равнодушных родителях-сталинистах, сиротством, которое наполнило мое поэтическое творчество, хотя и по иной причине, чем у Рубцова. Но существует подсознательное тяготение душ людских друг к другу, и Рубцов сопереживал тому, что я еще недостаточно умела тогда выразить в своей поэзии. Я выразила это позже – с повзрослением, когда обрела литературное мастерство. Однако конкурентная зависть бесчисленного количества версификаторов была такова, что из-за внутрииздательских рецензий, мешавших мое творчество с грязью, у меня в СССР почти не издано книг – ничтожно мало. Но это прекрасно – то, что я не смешалась с благонадежным стадом советских версификаторов и стала в истории советской культуры особняком. По-видимому, это и есть участь настоящего творца, художника слова. И судьба его начинается по обыкновению с мучительного детства: это верно подметил Личутин. Замечательный наш прозаик Владимир Личутин со свойственной ему орлиной зоркостью углядел в Рубцове нелюбимое (потому что не понятое никем) существо, не могущее создать полноценной семьи, как это типично для детдомовцев.

У меня были сложные отношения с родителями-сталинистами, которые отказывались понимать меня и требовали от меня солдатской дисциплины. Быть может, это подсознательно угадывал во мне Рубцов, не знаю... Мои стихи о горькой правде никак не могли пробиться к читателю в СССР. А нужна ли правда теперь – и вовсе не знаю.

В итоге я стала рекордсменкой советского издательства «Современник»: за 20 лет я получила двадцать отрицательных рецензий, которые разве только не приговаривали меня к смертной казни... Эти двадцать прокурорских обвинений то бишь рецензий запрещали мне заниматься поэзией ввиду бездарности и политической неблагонадежности. Можно было сделать вывод из того недальновидного рецензирования – вывод о том, что издательство «Современник» целенаправленно занималось формированием русского читателя как человека интеллектуально убогого, слабохарактерного, пьяницу и сентиментального слюнтяя. Поэтому «Современнику» очень подходил образ Николая Рубцова, будто бы соответствующего всем этим требованиям. И до сих пор собутыльники несчастного поэта трубят о том, что Коля был именно таким. Нет!.. Он жаждал быть интеллектуально развитым человеком, он пытался владеть собой и проявлять волю, он корил себя за грех пьянства и слабохарактерный сентиментализм, но среда общения – Литинститут – не позволяла Рубцову измениться. А в издательстве «Современник» трудоустроились те выпускники Литинститута, которые входили в группировку Бориса Химерова, называемые в общезнании «дятлами»; другим выгодная работа не предназначалась. Мы подвизались кто где и как мог, не дятлы то есть. Мыкался без работы и Николай Рубцов – НЕ ДЯТЕЛ, русский простофиля... Когда я думаю о нем, волна нестерпимой досады поднимается к моему сердцу – досады на всех, кто церемонится с его убийцей Дербиной. Способность к стихоплетству отнюдь не от-

меняет тезиса великого Некрасова: «ПОЭТОМ МОЖЕШЬ ТЫ НЕ БЫТЬ, НО ГРАЖДАНИНОМ БЫТЬ ОБЯЗАН». Почему никто не рассматривает гражданскую сущность Дербиной?.. Я считаю, что у этой блудницы – лже-поэтессы Дербиной – ничего общего с поэзией нет, кроме единственного обстоятельства: убийства Рубцова.

Из Москвы мой муж привез мне новую книгу Рубцова, и здесь, в Праге, мы долго переживали его трагическую судьбу.

Мой муж со мной долго не смыкал глаз ночью, когда мы с ним обсуждали тему русского слюнтяйства, начатую сердобольным Василием Беловым, слюнтяйства, причисляющего Дербину к поэтессам. Утром рано, лежа в постели, муж указал на небесную синь и пробормотал: «Взгляни в небо – в наш с тобою божественный телевизор! Видишь кружащихся птиц? Они стремятся долететь до солнца, но никак не получается. Так и мы с тобой!..» Я поцеловала мужа и ответила: «Однажды ты уже говорил мне эти слова, лет пятнадцать назад... Я не забыла!.. За эти слова я и стала твоей женой!»

1 МАРТА 1997 года, ПРАГА, ЧЕРНЫЙ МОСТ

Зазвонила колокольня костела: часы отмечают солнечный полдень в столице Чехии, в центре Европы. Я присела в собачьем скверике на лавке, чтобы помолиться под колокольный звон. В костеле сейчас пусто, да и он заперт. Мне летом исполнится 47 лет – это уже прожитая судьба, законченная. Похоже, что творческие командировки в Прагу вскоре подойдут к концу, и мой жребий национальной русской поэтессы предопределит мне мыкать горе на Родине... Когда мы впервые приехали мужем в Прагу, мы посетили русский центр при посольстве и увидели отдыхающих старых эмигрантов перед телевизором, транслировавшим все русские каналы. Бросилось в глаза: почему-то все они обезличены, и выражение лиц у них озадачивает вопросом:

«Неужели же им в тепле да сытости здесь тяжелее, чем на Родине в ситуации экономической катастрофы и вялотекущей революции? Что произошло со старыми русскими эмигрантами?»

И вот теперь эти старые эмигранты отвергают новую эмигрантскую волну из числа тех, кто, в отличие от нас с мужем, не челночит, а поселился тут на постоянное жительство. Старые эмигранты живьем сжирают нового священника из Ольшанской церкви архимандрита Тихона – человека исключительной образованности, талантливого дипломата, отличного организатора: он занялся сплочением прихожан вокруг церкви да приведением их в образ Божий... Опять характерная черта русского характера: завистливая неприязнь к культурному лидеру, отвращение от благородного человека. Как это горько! Я так люблю милого батюшку Тихона! Он незаслуженно страдает от кровных соплеменников. В каком народе еще можно встретить такое самоедство? Словно у африканских канныбалов!..

Я сказала батюшке Тихону о том, что молилась за него святому Тихону Задонскому – русскому Златоусту. Святой Тихон Задонский был рожден еще во времена крепостного рабства, и главным делом его скорбного монашеского подвига было воспевание свободы как дара Божьего. Священник помолился обо мне, и вот радость: украинские слушатели подарили мне золотой крестик!

3 МАРТА 1997 года, ПРАГА, ЧЕРНЫЙ МОСТ

Найден козел отпущения за вину социализма в Восточной Европе: русская нация. Этим выводом кончили вчера академики.

Тут в добровольной ссылке за границей по этой причине я почти что рассорилась с коллегами. Пану N я сказала: «Откуда русскому солдату, о котором я вчера читала у Куприна, было знать про инфекцию, именуемую социализмом или коммунизмом, – как вам угодно?»

Откуда зараза проникла в Россию – не с Запада ли? Так кто заразил Россию этой чумой? И с какой целью?»

Заседание кончилось тем, что я рассказала академикам дурной анекдот, намекая на пана Н: «Наполеон обвинил адъютанта в том, что адъютант глуп. За адъютанта вступилась Жозефина и парировала: «Он эрудит! Он прочел гору книг!». Наполеон же стоял на своем: «Когда мы воевали, у нас в гарнизоне был осел для перевозки снарядов, но мужественнее от перевозки снарядов осел не стал. Осел и после этого остался ослом!»»

Сегодня по причине скандала конференцию в академии отменили. Я поплелась по магазинам: продавщицы видят русскую, последние деньги изымают с помощью обмана, ведь говорить по-чешски я еще мало что могу... Как хочется домой! В России хоть понятно, почему и за что страдаешь...

Два с половиной года исследовала я вопрос: что такое свобода западного мира? И убедилась в том, что это свобода человека от христианской совести. Странное умозаключение.

Сколько наблюдаю западных людей, все больше уверяюсь в мысли о том, что благополучие есть ужаснейшее зло для человеческой души, не ведающей Бога. Особенно разозлило меня поведение стенографистки. Председатель ученого совета спросил, чтобы я слышала: «Каковы преимущества стенографии?» Та ответила: «Если писателю надо год, чтобы написать книгу, то мне один час!»

Она напишет!.. Я решила прошвырнуться в Горные Почерницы и заметила, что зацвели алыча, вишня. Дикие утки соревнуются друг с дружкой по выхватыванию хлебца из рук. Вода в пруду пахнет свежестью весны.

29 ИЮЛЯ 1998 года, ПРАГА, ЧЕРНЫЙ МОСТ

За границей русская действительность выглядит иначе, словно в увеличительное стекло. Русских книг мало, да они здесь и не нужны. Муж привез вдобавок одно-

томник поэзии Рубцова, хотя я не просила: зачем здесь русская грусть? Хоть где-то я желаю отдохнуть от нее, так нет – привез же! Вот и вновь сожалею о Коле, о его разнесчастной, неприкаянной судьбе. Справедливо характеризует его Личутин как бледное и тихое существо, не обогретое семейной любовью, как замкнутое в самом себе существо: кроткое и доверчивое... Хлопнула дверь...

Только что вернулся муж с работы и рассмешил: пан Соудэк приказал пану Крофте вместе с пресс-секретарем (моим мужем) паном Васильевым отвести делегацию русских бизнесменов в ресторан «У горного козла» для обсуждения бизнес-плана за товарищеским ужином. Русская делегация тихо и бесшумно заняла стол на 12 персон и принялась заказывать ужин, как вдруг засидевшиеся ресторанные посетители – немецкие туристы – запели бравую немецкую песенку. Русская делегация вперилась в них взглядами. Официант пришел в полный ужас от русских взглядов, на цырлах подскочил к немецким туристам и шепотом объявил: «Русские пришли!»

Немцев как ветром сдуло! Только пятки засверкали.

Наши бизнесмены облегченно вздохнули и после рюмки гаркнули дружным молодецким хором: «Славное море – священный Байкал!...»

22 ДЕКАБРЯ 1998 года, МОСКВА

Муж привел меня на заседание философской секции в Дом ученых. Решалась проблема кризиса философской науки в постсоветской России. Между прочим, в приватной беседе я показала нескольким философам свою авторскую противораковую энциклопедию для знахарей, изданную в Праге в 1997 году. Их заинтересовала моя глава «ФИЛОСОФИЯ БОЛЕЗНИ И СТРАДАНИЯ». Кружок моих собеседников заявил, что их весьма интригует художественная манера писания на научную тему: КАК В СТАРИНУ!

Рассмешили, пришлось раздарить все шесть книг. Ученые пригласили меня поучаствовать в обсуждении философских проблем астрономии и футурологии: очень соблазнительно.

28 СЕНТЯБРЯ 1999 года, ПРАГА, ЧЕРНЫЙ МОСТ

Прага сказочна! Живешь, словно среди театральных декораций: так необыкновенна архитектура и планировка этого города. Вероятно, Прага – лучший город на земле. А все-таки в нем одиноко... Ни с кем не подружишься, ни с кем не сблизись – не принято... Муж пошел на банкет, я отказалась. Помусолила в руках газетенку профессора Валишевского из ленинградских эмигрантов насчет пражского периода Марины Цветаевой: сам пишет свою газетенку, сам читает – никому не надо! А между тем, интересный взгляд на Цветаеву как на жену чекиста: полное отвращение от хваленой всеми (непонятно почему?) цветаевской истеричности и особенно от лесбиянских поползновений, даже от стихов. По-моему, профессор Валишевский просто изнемог от пражского одиночества...

Вечером, однако, мне пришлось расфуфыриться, прибыть на филиал «Шкоды» – в фирму «Неро», выпить шампанского и подцепить под руку вице-президента Русской академии, а потом президента. Так нас и сфотографировали. Никогда еще не видала я себя такой важной!

После испанских средневековых городов прогулки по ночной Праге ничуть не хуже, но ресторанный ужин испортил мой замысел заняться своей фигурой. Пан Крофта согласно западноевропейской традиции то и дело подавал мне капустные листки с приговариванием: «Служу прекрасной даме!..» Но я не могла доказать ни ему, ни пану Соудэку, что время моей красоты миновало вместе с желанием флиртовать. У западных мужчин ведь представление о флирте как о способе быть счастливыми во все времена. Пани Вожена недоумевала от

моего строгого поведения, пан Олдржих осуждал... Наконец мы с супругом откланялись и поздно ночью возвращались домой на Черный Мост. Возле дома муж остановился у пруда и нарвал мне букет полевых цветов. Володя водрузил их затем в фаянсовую вазу, которую мне подарил, и я долго не могла уснуть от счастья, что благоухают цветы, что я признана на Западе авторитетной личностью, что мой муж дома.

1 АВГУСТА 2000 года, МИЛЛЕНИУМ, ПРАГА

Через несколько дней мне исполнится 50 лет. Из них пять последних я уже прожила в Праге. Прощание с молодостью. Переход Рубикона.

Не хочется видеть никого. Муж привез меня с Черного моря, с болгарских Золотых Песков, оставил на Черном Мосту и помчался в Москву. Я же опустилась на деревянный помостик в чешском костеле Святого Игната перед Матерью Божией Фатимской в мемориальной ротонде костела, посвященной чудесному Ее явлению детям в Португалии, молилась и любовалась горшками с цветами да вазами, которыми уставлена вся необычайная скульптурная композиция. Переход Рубикона.

Через пару лет (в 2002 году) я буду отмечать 35-летний юбилей своей творческой деятельности, начатой в 1967 году поступлением в Литературный институт. Знала ли я, что когда-нибудь стану советским классиком и вообще такой старой?!. Знала ли я, что окажусь в лучшем городе Европы – в Праге, городе Моцарта, где никогда не смолкает моцартовская «Пражская симфония»?.. Николай Рубцов страстно любил сживать у меня в кресле и слушать грамзапись «Пражской симфонии». Никакого алкоголя не требовалось Рубцову для гармонизации его душевного разлада: Коле требовался Вольфганг Амадей Моцарт, требовались высшая моцартовская красота, совершенство.

Я побрела по Праге, похожей на театральные декорации, непередаваемо прекрасной, истинно золотой

Праге, которую освобождал от немецких фашистов родной брат моего отца и тетушки Натальи. Мой дядя-танкист завоевал для меня этот лучший город на земле. Знала ли я в 1967 году, когда совершала выбор между писательской карьерой и карьерой шахматистки, что писательство приведет меня в Прагу, по которой бродил сам Моцарт?!. Классицизм и сентиментализм композиторского творчества Моцарта потрясали все существо Николая Рубцова, закрывавшего лицо грубыми матросскими ладонями: он стыдился плакать передо мной. О чем ты плакал, Коля? Мне кажется, о Моцарте, прожившем голодную и трудную жизнь и сложившем косточки свои, как собака, в братской могиле. Слава пришла к Моцарту после смерти.

Лада Васильевна Одинцова

**ИЗБРАННЫЕ МЕСТА
ИЗ ПРАЖСКОГО ДНЕВНИКА
Мемуары о Николае Рубцове**

Руководитель проекта С.В. Алабжин

Редактор К.С. Столяров
Набор и верстка И.С. Коночкиной
Корректор Л.А. Илюшкина

Отпечатано и сброшюровано в ООО «Полиграф-Мастер»,
454091, г. Челябинск, ул. Воровского, 52а
Государственная лицензия на полиграфическую деятельность
ПД № 11-0092 от 17.11.2000 г.
Подписано в печать 2.08.2006 г. Тираж 1000 экз.
Бумага офсетная. Гарнитура Arial.
Отпечатано с готового оригинал-макета.
Заказ № 1019.